

В.Г. КАЗАКОВ

КРАСНЫЙ КОМБРИГ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

В. Г. КАЗАКОВ

КРАСНЫЙ КОМБРИГ

(О Г. И. Котовском)

Казиков В. Г.

К14 Красный комбриг. (О Г. И. Котовском).— М.: Политиздат, 1981.— 96 с.— (Герои Советской Родины).

Книга журналиста Виктора Казикова посвящена легендарному герою гражданской войны Григорию Ивановичу Котовскому. Автор рассказывает о том, как сын механика из молдавского местечка Ганчешты пришел в революцию, стал красным командиром, о котором И. Э. Якир скажет: это был титан, который никогда не забывал о задачах пролетарской революции.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

К $\frac{10604-016}{079(02)-81}$ 187—82 0505030102

63.3(2)712.8

9(С)22

Жизнь начинается с вопросов

Григорий с трудом втиснулся в плотно стоявшие на бульваре ряды людей. И тут же огромная сила вместе со всеми понесла его к центру бульвара — на небольшую площадь перед лестничным спуском к морю.

Пробравшись к бронзовому дюку Ришелье, он наконец увидел «Потемкина». На мачте мятежного корабля трепетал красный флаг. Расчехленные орудия главного калибра грозно смотрели на городскую думу. На берегу, рядом с броненосцем, белел брезент палатки. В толпе передавали:

— В палатке — тело убитого матроса, руководителя восстания. Хоронить будут в Одессе... Фамилия? Григорий Вакуленчук.

Где-то недалеко, за широколистыми каштанами, говорил оратор. Когда толпа на минуту затихала, слышался его охрипший голос:

— Восставшие матросы протягивают руку солидарности нам, рабочим...

Одесса бастовала уже полтора месяца. 30 апреля 1905 года в городе перестали работать фабрики, заводы, мастерские. Замер порт. Рабочие — те самые, что еще вчера, казалось, спокойно и в полном согласии с установленным в государстве порядком делали станки, подъемные краны, сплетали стальные и джутовые канаты, — в этот день, в отчаянии стиснув зубы, стали вооружаться и строить баррикады. Ве-

сенний ветер разносил по городу много раз повторенное на шумных митингах их главное требование:

— Долой царское правительство!

В середине июня в порт под красным флагом революции пришел из Очакова эскадренный броненосец Черноморского флота «Князь Потемкин-Таврический».

Григорий не стал спускаться к морю. Он знал, что у «Потемкина» в тот день шнырял не один полицейский шпик. Зажав в большие кулаки железные перила, обрамлявшие площадь у крутого обрыва к морю, он долго и внимательно смотрел вниз.

Какую правду, выношенную по ночам в матросских кубриках, принес с собой восставший против царя броненосец?..

Котовскому исполнилось двадцать четыре года. Жизнь, по существу, только начиналась. Но он уже кругом был в долгах перед царскими законами. Его обвиняли в растрате помещичьих денег, в фабрикации подложных документов, в уклонении от воинской повинности, в дезертирстве; уже дважды он был под арестом и дважды успел отсидеть в тюрьме. Вот и сейчас он скрывается от полиции с фальшивым паспортом в кармане.

Что же это так неровно выстраивается жизнь?

В конце семидесятых годов прошлого века князь Манук-Бей, один из богатейших помещиков Бессарабии, решил построить в селе Ганчешты Кишиневского уезда, где он жил, винокуренный завод. Для этого нужны были специалисты, и одними из тех, кто принял приглашение Манук-Бея, были братья Иван и Петр Котовские. Иван, опытный механик, закончив монтаж оборудования на новом предприя-

тии, решил остаться жить в Ганчештах — князь давал ему должность заведующего машинным отделением завода. Так в селе рядом с почтовым трактом появилась новая, крытая камышом хата, где стала хозяйничать Акулина Романовна, жена механика, высокая, голубоглазая блондинка.

24 июня (по новому стилю) 1881 года в семье Котовских родился четвертый ребенок — Григорий.

Мать Григорий Иванович помнил плохо — она умерла, когда ему было всего два года. «Отец был олицетворением доброты, — писал Котовский в автобиографии в 1916 году, — и вместе с тем это был человек в высшей степени серьезный и даже суровый. Редко когда на его лице видел кто-нибудь улыбку. Честности был идеальной и благодаря этому качеству он пользовался полнейшим уважением всех своих сослуживцев и владельца»¹.

Детство Гриши ничем не отличалось от жизни детей местных крестьян и рабочих. Мальчики с увлечением играли в войну (эту страсть подогревали в них рассказы стариков про военные походы русских против турок и французов), бегали в лес и на пруд, любили в праздничные дни ходить на базар, где смешно торговались крестьяне, гадали бродячие цыгане, вкусно пахло фруктами и овощами, стояли вереницы телег с вином и нередко случались жестокие драки пьяных мужиков.

Но это было далеко не безоблачное детство. Время, когда будущий герой гражданской войны водил в атаки своих босоногих сверстников из Ганчешт, было трудным для народов России. Вдвойне тяжелее жили люди на национальных окраинах страны.

---

¹ Г. И. Котовский. Документы и материалы. Кишинев, 1956, с. 48.

Крестьяне Бессарабии, страдавшие от нищеты, в основном жили тем, что арендовали землю у помещиков. Условия были кабальными, часто урожая не хватало, чтобы рассчитаться с долгами. В крае недобрая слава ходила, например, об унгенском помещике Бузне, который установил для местных крестьян восемнадцать различных видов поборов. Бочка воды из Прута, например, здесь стоила 50 копеек. Грабило крестьян и государство: существовали различные налоги, выкупные платежи, узаконены были почтовая, дорожная, подводная, квартирная и много других натуральных повинностей. Вынести эти повинности было не под силу, а за неуплату долгов крестьян пороли розгами.

С малых лет Котовский был свидетелем несправедливости и неравенства. «Все свое детство я проводил в заводских казармах рабочих, и их тяжелая, кошмарная жизнь наложила на мою душу свою печать»¹, — напишет Григорий Иванович уже в советское время. Как вызов местной нищете возвышался роскошный дворец князя. Он и строил его с расчетом — затмить самых богатых кишиневских помещиков; на третьем этаже рос зимний сад, на крыше бил фонтан... Четырнадцатилетнего Григория Котовского однажды пригласили во дворец Манук-Бея, и мальчик впервые в жизни увидел мраморные лестницы, золоченые перила, шелка на стенах, роскошные ковры и картины...

Наверное, уже в детстве у Котовского рождались и первые вопросы: почему же Манук-Бей, который не работает, так богат? Почему друг Григория Миша Попеску, родители которого трудятся от зари до зари, ест только постную мамалыгу с толченым чес-

---

¹ Г. И. Котовский. Документы и материалы, с. 10.

ноком? Почему заводские рабочие покорно сносят холуйское хамство управляющего именем Назарова? Почему, почему?..

С годами жизнь задавала все более сложные вопросы. Социальные контрасты были еще более заметными в губернском городе — Кишиневе. Верхняя, новая часть города была застроена красивыми особняками, в которых жили самые богатые люди Бессарабии. Они нарядно одевались, разъезжали по городу в экипажах. Нижний Кишинев выглядел иначе — узкие улочки, саманные низкие хаты с маленькими окошками и покосившимися крышами, вечная грязь на немощенных дорогах. Тут жила беднота — кузнецы, сапожники, скорняки, портные, стекольщики. Они едва сводили концы с концами, иногда, потеряв всякую надежду на лучшее будущее, бросали родную землю и уезжали в поисках сносной жизни в Америку, Австралию... «Верхние» были хозяевами жизни, «нижние» — бесправными рабами.

Уже в детстве в Котовском проявлялось обостренное чувство справедливости, желание защитить слабого, благо рано полюбил спорт и уже в юности слыл силачом. Рассказывают, как однажды он поспорил, что одолеет свирепого быка, который из-за своего нрава был постоянно на цепи. И выиграл поединок, сначала заставив животное долго топтаться на пахоте, а потом взял за рога и под восторженные крики болельщиков уложил его на спину.

Да, рос не пай-мальчик. Но за всеми проказами и непозволительными, с точки зрения ревнивых защитников «умеренности и аккуратности», поступками молодого Котовского просматривалось главное: рос человек энергичный, деятельный, смелый. И добрый. Любил животных (да не каких-нибудь там заморских павлинов, крипльый крик которых иногда

доносился из сада Манук-Бея, а бездомных собак, кошек, голубей), был хорошим товарищем, охотно помогал людям в беде и защищал их от обидчиков.

«Гриша очень любил животных — лошадей, собак, кроликов, — вспоминала сестра Котовского Софья Ивановна. — Еще мальчиком он великолепно ездил верхом на самых резвых помещичьих конях. В детстве любил играть в войну... У Гриши были также хорошие музыкальные способности, он умел играть на скрипке, гармонии, гитаре. Он был красивым, сильным и способным мальчиком. В школе занимался очень хорошо. Все сверстники его уважали и любили».

Гриша с удовольствием ходил в школу еще в Ганчештах. Школа размещалась в одноэтажном доме под камышовой крышей, была неказистой на вид, но работали в ней в основном умные и честные люди. Григорий, пренебрегая законом божьим, с упоением слушал уроки русского языка, литературы и истории.

Кишиневское реальное училище, куда Котовский поступил, официально считалось бессловным, но учились в нем преимущественно дети богатых. Бедных попросту старались не пускать сюда. Григорий попал сюда благодаря милостивому жесту Манук-Бея, давшего рекомендательное письмо сироте бывшего главного механика. Князя хорошо знали и почитали в верхней части города. Котовский окончил шестилетнее народное училище с отличием и мог поступить в реальное училище без экзаменов, однако его заставили сдавать вступительные экзамены.

Жил он на далекой окраине города — там сестра подыскала ему частную квартиру. Денег было мало, и на занятия в реальное училище приходилось ходить пешком. Но он ни разу не опоздал, предвкушая

ту радость, которую получит на уроках математики, физики, естествознания, рисования, черчения.

Григорий учился с жадностью, но дирекцию училища раздражал строптивый юноша и, придравшись к пустяку, в конце 1895 года его исключили как «неподходящего».

В Кокорозенское сельскохозяйственное училище Котовский приехал в середине учебного года, однако быстро нагнал сокурсников, много читал специальной литературы сверх программы и к концу обучения был среди лучших выпускников. «Из всей прожитой мною жизни время пребывания моего в Кокорозенском сельскохозяйственном училище является самым светлым, ярким, радостным»¹, — напишет потом Григорий Иванович.

Котовский много и увлеченно читал. Любимыми произведениями на всю жизнь стали «Капитанская дочка» и «Дубровский». Хорошо знал стихи Тараса Шевченко, молдавских писателей Александри, Негруци. В сельскохозяйственном училище времени для чтения художественной литературы было мало — четырнадцатичасовой рабочий день учеников состоял в основном из штудирования специальных дисциплин и практических занятий на ферме и земле. Но Котовский и здесь не расставался с книгой — читал по вечерам, в часы дежурства, на каникулах (которые он проводил здесь же, в училище). «Овод», который печатали в журнале «Мир божий», был прочитан неоднократно и даже вслух, вместе с товарищами по училищу.

В Кокорозенском училище Котовский впервые познакомился и с подпольной литературой — правда, сначала с листовками экономистов и народников.

---

¹ Г. И. Котовский. Документы и материалы, с. 49.

Листовки передавал знакомый по Кишиневу, а прочитывались они в тесном кругу в овраге, подальше от глаз надзирателя Комаровского.

Сохранились свидетельства, что еще в Ганчештах Григорий усердно занимался французским и немецким языками. Кроме родного, русского языка Котовский в совершенстве знал молдавский, украинский и еврейский языки.

В тринадцать лет Гриша осиротел — умер, простудившись на работе, отец. Теперь основное влияние на него оказывал учитель русского языка и литературы Иван Саввич Лысенко, который неспроста слыл среди властей вольнодумцем. Он в свое время учился в Киевском университете, но его исключили за неблагонадежность.

Интересным человеком был и управляющий Кокорозенским сельскохозяйственным училищем Иосиф Григорьевич Киркоров. Выпускник Петровской земледельческой академии, он был хорошим агрономом, с увлечением преподавал своим воспитанникам земледелие, при этом был человеком справедливым и демократичным. И. Г. Киркоров оставил ценные воспоминания о своем ученике. «Котовский все работы исполнял с любовью и усердием и с полным сознанием, — вспоминал он потом. — Он служил примером для всех товарищей. В свободное время Гриша Котовский успевал прочитывать все специальные книги, а также интересовался русскими классиками, которых я ему давал из собственной библиотеки. Гриша Котовский в течение четырех лет развивался как один из самых талантливых и лучших моих учеников. Он музыкант, играл в школьном оркестре на кларнете, с большими артистическими способностями, исключительно находчивый и трудолюбивый, замечательный товарищ, он был всеобщим любим-

цем. Литературно-артистические вечера, спектакли, чтение вслух с туманными картинами, танцы, балльные вечера были обычным явлением, и Гриша Котовский являлся душой всех этих собраний»¹.

В Кокорозенском сельскохозяйственном училище обстановка была демократичнее — здесь учились в основном люди из низов. Но и на этом маленьком клочке оргеевской степи, конечно, лежала суровая тень общего государственного порядка. Здесь, как и в Ганчештах, много времени в учебном плане отводилось закону божьему; училище, содержащееся в основном за счет средств бессарабских помещиков, часто не могло обеспечить своих воспитанников даже более или менее сносным питанием; ученики сами обрабатывали 500 десятин земли, обслуживали животноводческие фермы. Не раз случалось, что чиновники, причастные к реализации сельскохозяйственных продуктов, полученных на училищной земле, обворовывали учеников. И здесь были не только друзья, а и враги — например, поп, учитель Комаровский, выполнявший по совместительству и обязанности надзирателя, тайные осведомители среди учеников, доносившие начальству о «крамоле» своих товарищей. Но ни строгий надзор, ни отдаленность училища от села не могли помешать учащимся видеть окружающую жизнь. Они читали не только учебники, а и тайком попадавшие к ним прокламации. Знали о крестьянских бунтах, все чаще случавшихся в Бессарабии, и об их жестоком подавлении. Все чаще слышался шепот о неких таинственных подпольных организациях, звавших бороться за справедливость.

---

¹ Центральный государственный исторический архив Молдавской ССР (ЦГИА МССР), ф. 972, оп. 1, дело № 13, ст. 26.

Ко времени окончания училища Григорию Котовскому было девятнадцать лет. Для получения диплома нужно было пройти шестимесячную практику. Григорию выпало проводить ее в имении Мечислава Скоповского. К двадцати восьми годам этот беспечный кутила, к большому огорчению своего богатого папаша-помещика, так и не стал самостоятельным и серьезным человеком. И тогда отец решился на рискованный шаг: чтобы воспитать в сыне самостоятельность, он отдал ему во владение поместье в Бендерском уезде. Но Мечислав, получив свободу, с удвоенной энергией предался кутежам.

Дела в поместье шли из рук вон плохо. Но тут Скоповскому повезло: Кокорозенское сельскохозяйственное училище направило к нему одного из своих лучших выпускников — Григория Котовского. Котовский с интересом взялся за работу — по существу, исполнял обязанности управляющего имением. За короткий срок в хозяйстве появились новые постройки, сельскохозяйственный инвентарь, заключались договоры на сбыт будущего урожая. Все ладилось в трудолюбивых и сильных руках молодого агронома! Но одно не нравилось Скоповскому — его новый управляющий был добр с батраками. А в ответ на недовольство помещика спокойно отвечал:

— Крестьяне, работающие на вашей земле, гнут спину от зари до зари, но живут впроголодь. Разве это справедливо?

Все попытки помещика обратить Котовского в свою веру заканчивались безрезультатно. И он все больше начинал осознавать пропасть, разделявшую его с управляющим. Оставалось найти повод. Сначала это была ревность к жене, а потом помещик обвинил управляющего в присвоении части вырученных от продажи свиней денег. Это была грязная

ложь. Котовский пытался оправдаться — у него для этого были соответствующие документы, но разъяренный помещик ударил его хлыстом по лицу. Григорий Иванович не остался в долгу...

Навалившиеся на управляющего холуи помещика ударили его чем-то железным по голове, скрутили ему руки и продолжали избивать. А морозной ночью связанного Котовского в одной легкой одежде вывезли на санях из имения и в нескольких километрах от села столкнули в снег...

Так рассчитался помещик с молодым агрономом — за все, что тот для него сделал. В бессильном гневе катался Григорий по снегу, чтобы не замерзнуть, с трудом развязал руки... Он запомнит эту ночь на всю жизнь, не забудет и того, как потешались Мечислав с папашей, когда его избивали их холуи. Да, он это запомнит. И еще он понял: Скоповский — не исключение в мире хозяев жизни, он — как все они...

После Скоповского Котовский устраивался работать еще к нескольким помещикам. Те отличались друг от друга нравами, степенью культуры, образом жизни. Но в главном все они были похожи: оставались эксплуататорами, жадными и жестокими. Они презирали тех, за чей счет жили, а жизнь за счет чужого труда вытравила в них все человеческое.

Помещик Якунин, подстрекаемый хитроватым и плутоватым Осадчим (которого Котовский не раз выводил на чистую воду), обвинил молодого агронома в нечестности. Помещик Семиградов, прежде чем принять Котовского на работу, потребовал от него документ — отзыв о нем Якунина. Григорий Иванович, измученный безработицей и голодом, представил сфабрикованную характеристику. И как же злорадствовал Семиградов, когда эта наивная тайна

была раскрыта, как был неумолим в ответ на просьбу не давать хода инциденту. И это «дело» впоследствии принесло Котовскому много горя.

Долгие скитания в поисках работы, без денег, без документов. Диплома об окончании сельскохозяйственного училища ему не выдавали — ни у одного из помещиков он так и не смог пройти шестимесячную практику; метрическое свидетельство забрала полиция, когда завела дело о подлоге; паспорт Котовскому не полагался, поскольку он подлежал призыву на воинскую службу; на службу не призывали до разрешения пресловутого дела о подлоге...

Это была трудная пора, полная тяжелых физических и нравственных испытаний.

Скоповский продолжал преследовать своего бывшего управляющего, обвиняя его в растрате 77 рублей. И хотя поданные им в суд документы были фиктивные, процесс он выиграл: Котовского приговорили к месячному заключению в арестантском доме. В тот день, когда Григорий Иванович выходил из этой первой в своей жизни тюрьмы, ему объявили: его ждут в полицейском участке. Начинался новый процесс — о подложной характеристике. Чтобы избежать предварительного заключения в тюрьму, надо было заплатить сто рублей залога. Денег не было, в результате он опять в неволе, в Кишиневском тюремном замке, в камере отпетых уголовников.

Не оправившийся от побоев, потрясенный беззаконием, Григорий Иванович заболел нервной горячкой. По настоянию врача его выпустили из тюрьмы до суда под надзор полиции.

В это время вопрос «как жить?» содержал в себе минимальное: как не умереть с голоду?

Однажды в поисках работы пришел в родное село,

постучал в калитку — потом он долго не мог простить себе этой слабости — к бывшему управляющему князя Манук-Бея Артемию Назарову. После смерти Манук-Бея Назаров арендовал княжеское имение, и у Григория Ивановича теплилась надежда: а вдруг бывший управляющий не забыл, как честно работал у князя его отец. Но он ошибся — Назаров не только не принял его, но крикнул ему оскорбительное ругательство.

Так скоповские, семиградовы мстили правдолюбцу низким, жестоким образом, надеясь сломить его, заставить служить сильным мира сего.

Но, испытав все эти удары судьбы, Григорий Котовский не сломился, не сдался, не стал верой и правдой служить людям, в чьих руках была власть, богатство. Агроном, любивший землю и хорошо знавший, как на ней надо работать, он мог понравиться любому помещику и обеспечить себе достаточно сытую жизнь. Но для этого надо было поступиться главным — своими убеждениями. Против такого шага бунтовало все существо молодого человека.

Но как же жить дальше, что нужно делать, чтобы покончить с этим страшным миром? Юный Котовский еще не знал, что в России уже были люди, которые знали ответы на эти вопросы. Он не знал, что в России уже действовала партия большевиков во главе с гениальным Лениным.

Работа большевиков, проводившаяся в глубоком подполье, в Бессарабии ощущалась слабее, чем в центральных областях страны. Бессарабия в те годы по-прежнему оставалась краем, где преобладало забитое нуждой, неграмотное крестьянство. Не знал о Ленине и большевиках, не подозревал о существовании марксизма и Григорий Иванович Котовский. Все это придет к нему значительно позже...

А тогда он выбрал для себя иной путь — месть. Не только за те удары судьбы, которые лавиной вдруг обрушились на него, и не только тем, кто оскорблял, унижая его, заставляя голодать, бросая в тюрьмы. Мсть всему миру богатых и за всех бедных, униженных и оскорбленных...

В Кишиневе стояли солнечные дни весны 1903 года. А на душе было пасмурно: мучил голод, угнетала неопределенность положения. В один из таких дней Григорий повстречал знакомого по реальному училищу. Тот сказал ему, что состоит в партии социалистов-революционеров, увлек Котовского революционными лозунгами, убедил войти в группу боевиков, совершавших налеты на богатей и тем добывавших средства для партийной кассы. И хотя многое Котовскому в деятельности «анархистов-коммунистов» (так иногда называли себя его новые товарищи) не нравилось, жизнь, полная риска, сознание хоть какого-то отмщения миру сытых, закружила и увлекла его.

Нападение на имение богатого помещика в Измаильском уезде. Ограбление купеческих лавок в Киеве, Харькове. Дерзкая операция по изъятию денег из конторы кишиневской «конки»... Котовскому еще предстоит понять до конца, сколь сомнительными были те формы борьбы за справедливость, которые исповедовались «анархистами-коммунистами». А пока... Он готов закрыть глаза на некоторую противоречивость их слов и поступков. Во время отчаянных и дерзких налетов на толстосумов он вершит справедливый суд над ненавистным ему миром. Ради этого стоит жить.

В январе 1905 года он оказался в армии. Терпевшему поражения в войне с Японией царскому пра-

вительству нужны были солдаты. Его направили служить в Костромской пехотный полк, стоявший в Житомире. Отсюда в мае 1905 года он совершил, как сам потом говорил, свой самый легкий побег. Через несколько дней был в Одессе — у друзей-боевиков. Вместе с ними шел к броненосцу «Потемкин», с чего мы начали свой рассказ.

«Моя натура требовала немедленных действий... 1905 год и потом последующие годы... ясно определяют мою работу и создают из меня смертельного, беспощадного мстителя за рабочих и крестьян»¹.

Мститель

К месту встречи — большому дубу в лесу — собирались поодиночке. Последним пришел Григорий Котовский. До рассвета оставалось еще около часа, но ярко светившая луна и белый снег, густо шедший всю ночь, позволяли им хорошо видеть друг друга. Стройные юношеские фигуры облегали легкие тулупы — молдавские папахи. За поясами у всех — пистолеты, ножи. У Котовского в руках — берданка. Шесть черных силуэтов в последний раз сомкнулись в тесный кружок, атаман чуть слышно сказал своей маленькой дружине несколько слов, и они, надев маски, смело пошли в сторону оргеевского тракта.

Григорий спрятался в кустах акации, у дороги. Начинало светать. Вдруг послышались звуки при-

---

¹ Г. И. Котовский. Документы и материалы, с. 12.

ближающегося экипажа. Шелохнулись и застыли тени за соседними деревьями.

Когда экипаж поравнялся с ними, Григорий вышел из засады и подал знак остановиться.

— Кто такие и куда держите путь? — блеснули глаза в прорезях черной маски.

В экипаже молчали. В самом углу фаятона сидела женщина средних лет, одетая в роскошные меха. Рядом с ней застыл в оцепенении мужчина в богатой шубе. Второй мужчина, тоже в шубе, попытался выхватить из-за пазухи револьвер, но был ловко обезоружен спутниками Котовского.

Григорий повторил вопрос. И путешественники, заикаясь, представились: Анастасия Илкова, купчиха, Иван Дудниченко, купец, Иосиф Коган, купец. Едут в Кишинев на ярмарку.

После встречи на оргеевском тракте купцам на ярмарке делать стало нечего: все деньги и драгоценности переключались к мстителям.

В тот же день полиция прочесала весь Иванчский лес, но тщетно. Оргеевский исправник послал в Кишинев телеграмму с просьбой о помощи.

Десять дней на почтовых трактах Бессарабии не случалось ни одного ограбления. Эпизод у Оргеева уже стал забываться, как вдруг полицейские снова получили чрезвычайное сообщение: 13 декабря в Бардарском лесу неизвестные, вооруженные и в масках, совершили нападение на проезжавших по почтовому тракту торговцев. В руки «злоумышленников» попали большие деньги и золотые вещи. Полиция ломала голову: неужели правы те, кто распускает слухи о якобы появившейся в крае организованной банде? И, судя по всему, руководит ею умный и ловкий атаман.

Поиски и на сей раз были безрезультатны.

22 декабря в Оргееве открывалась ярмарка. Купцы и помещики теперь уже не рисковали ездить через лес в одиночку. Но и котовцы пополнили свои ряды несколькими верными товарищами. И вот очередная акция. На почтовом тракте, проходившем по Пашканскому лесу, показался уже не один, а несколько экипажей. В санях сидело человек по десять, некоторые с ружьями в руках.

Котовский подал сигнал: вперед! Первая повозка остановилась. Чуть заикаясь, Котовский звонко командовал:

— Деньги, золото и прочие драгоценности! — кинул взгляд на неподвижно сидевшего в санях попа, улыбнулся: — И вы, батюшка, поторопитесь!

«Батюшке» было что отдать. Так же, как и остальным его попутчикам — купцам, ростовщикам и спекулянтам. Забрав у них и лучшую подводу, котовцы умчались в сторону Кишинева.

За два дня до нового года Котовский решил нанести визит своему старому врагу — Артемию Назарову. К большому огорчению Григория, бывший управляющий имением Манук-Бея именно в эти дни отсутствовал. Пришлось довольствоваться визитом в дом местного купца Гершковича. Газета «Одесские новости» сообщала подробности: «Разбойники успели добраться до спрятанных коней и ускакать. В Ганчешты посланы драгуны для поимки разбойников»¹.

Полиция все больше убеждалась в том, что в крае появилась организованная группа опасных преступников. В ее акциях явно прослеживалась закономерность: «грабители» ни разу не обидели кого-либо из простолюдинов. Больше того, случалось, что, вытряхнув толстый кошелек купца или помещика, они

---

¹ Одесские новости, 1906, 5 января.

одаривали возницу. В это же время бедные студенты, многодетные крестьянские вдовы, крестьяне сгоревших деревень стали получать по почте деньги от неизвестных лиц. Крупные суммы перечислялись Красному Кресту для помощи политзаключенным.

Эти факты не на шутку пугали местные власти. А вскоре произошло событие, встревожившее власти и повыше. В начале января 1906 года по оргеевскому тракту уныло плелись две подводы. Они не были похожи на те, в которых ездили собольи шубы. И сидели в них хмурые, затравленные, одетые в лохмотья мужики. Из-за кустов к ним устремились люди в масках.

— Везем в Оргеев бунтовщиков,— кивнув на дрожавших от холода пассажиров, объяснил им один из стражников.— Рубили без разрешения лес у помещика.

Что произошло дальше, докладывал начальству десятский села Моклешты Василий Турта, сопровождавший арестованных. С его слов помощник оргеевского уездного исправника составит следующий протокол: «Люди в масках стали требовать от него книгу с пакетом, при котором сопровождались арестанты, и когда он, Турта, не пожелал дать книгу, то один из них, в пиджаке черного цвета, в барашковой шапке, в сапогах, подпоясанный кожаным поясом, за которым были также два револьвера, в руках третий револьвер, выхватил книгу и разорвал пакет, освободив арестованных... На вид ему около 30 лет, брюнет...»¹.

---

¹ Цит. по книге Новохатского М. «Путь в легенду. Очерк жизни Г. И. Котовского». Кишинев, 1976, с. 110—111. В дальнейшем автор использовал ряд фактов, приведенных в этой книге, в воспоминаниях О. П. Котовской и других изданиях.

А вскоре котовцы ушли с почтовых трактов и все свои действия сосредоточили в Кишиневе — в его верхних кварталах, где в богатых особняках жили представители губернской власти.

Последовали несколько крупных акций — против самого богатого в Кишиневе ростовщика, настоятеля монастыря, помещика, купца и самого предводителя губернского дворянства Крупенского. Этот визит обошелся хозяину особенно дорого: котовцы забрали среди прочего ковер, который Крупенскому подарил персидский шах, и палку с золотой инкрустацией — подарок бухарского эмира. Это была неслыханная дерзость! И дело не только в стоимости экспроприированного: народные защитники не побоялись дать оплеуху самому предводителю губернского дворянства!

Какими же на самом деле были политические взгляды Григория Котовского в то время? Видимо, он осознавал, что главные причины всех бед народа крылись не в отдельных помещиках, чиновниках, фабрикантах, понимал, что все зло в самодержавии, социальном строе, построенном на эксплуатации народа. Но как практически бороться за свержение старого строя?

Некоторое время Котовский был связан с эсерами и анархистами, в их кассу и поступала значительная часть отбираемых у богатей денег и драгоценностей. Но связи эти были непрочными — Котовский не мог согласиться со многими принципиальными тактическими и политическими принципами своих временных попутчиков. Не случайно он так и не стал членом ни одной из этих партий и продолжал свою «линию» — бунтаря-одиночки, мстителя миру богатей и эксплуататоров. Выдавая себя за богатого орловского помещика, Котовский несколько раз встречался с

предводителем губернского дворянства. Они не просто познакомились, а и «подружились». Однажды Крупенский пригласил своего нового друга к себе в дом на званый вечер. «Орловский помещик» очаровал гостей и хозяев остроумием, изысканными манерами. Весь вечер он развлекал их артистически рассказанными историями. В застольной беседе не обошли и волновавшую тогда всех тему о Котовском.

— Да так ли уж страшен этот Котовский, как об этом пишут газеты? — храбрился хозяин. — Для встречи с разбойником у меня в спальне припасен браунинг.

Котовский хитро улыбался в окладистую искусственную бороду. А поздно ночью из дома Крупенского были унесены ценные вещи. Рядом с браунингом лежала записка «с приветом» от Котовского...

Вся Бессарабия знала и про то, как проучил Котовский самоуверенного помещика Негруша. Этот кишиневский богач как-то рассказал своим знакомым, что на случай появления Котовского в его кабинете вделана в пол кнопка. Стоит нажать ее, и в полицейском участке примут сигнал тревоги. В один из январских вечеров Котовский пробрался в кабинет Негруша и, не дав хозяину прийти в себя от неожиданности, громко скомандовал:

— Ноги вверх!

Да, зимой 1905/06 года дружина мстила сильным мира сего с дерзкой смелостью, удивительной ловкостью, сам Котовский проявлял при этом незаурядные организаторские способности, актерский талант, порой весьма рискованные фантазию и остроумие. Что было за риск? Удаль двадцатипятилетнего, сильного и удачливого человека? Да, но кроме этого

была еще и особая вера в свою непобедимость — вера, которая исходила из убежденности в правоте дела.

Народная молва разносила по всему краю рассказы о делах котовцев. Часто они обрастали фантастическими подробностями, превращались в легенды, где порой трудно отделить истинные события от романтической фантазии безымянных сочинителей. Народ любил своего заступника и наделял его лучшими чертами былинных героев.

У официальной прессы, когда она рассказывала о действиях Котовского, задачи были прямо противоположные. Умалчивая о политических мотивах его акций, она писала о них как о простом разбое. Не скупилась и на клевету. Так было, например, после операции со зрителем Костюженской лечебницы Саригло. У этого жестокого и бесчестного богача котовцы действительно забрали крупную сумму денег. Но и только. Газеты же писали о какой-то перестрелке, в которой якобы были ранены служащие лечебницы, рассказывали и другие страшные подробности. Ложь была такой бесстыдной, что Котовский решил написать... опровержение в газету. Через много лет в полицейских архивах отыщется этот необычный документ. Григорий Иванович писал: «...я не отрицаю, что 15 января действительно явился в Костюженскую лечебницу, взяв с собой пять хорошо вооруженных орлят, вошел в квартиру Саригло... и потребовал выдачи всех наличных денег... Вышедши из лечебницы, только ввиду того, что нас заметили сторожа и некоторые из служителей, и не желая их ввести во искушение испробовать свои силы с моими молодцами, так как развязка была бы для них очень печальной, я дал несколько залпов в воздух и этим всех спас от верной смерти, после чего преспокойно возвратился восвояси...»

21 февраля 1906 года в газете «Друг» появилось сенсационное сообщение: «Лица, обвиняемые в составлении разбойничьей шайки, совершавшей вооруженные нападения по оргеевскому тракту, в Ганчештах, Костюженской лечебнице, Рышканском лесу и в г. Кишиневе... задержаны вечером 18 февраля чинами кишиневской городской полиции и изобличаются в указанных преступлениях как собственным признанием, так и показаниями свидетелей, так и найденным при задержании поличным. Задержанные лица переданы судебной власти. Наконец-то население, благодаря энергичной деятельности полиции, может вздохнуть с облегчением. Требовались исключительные меры, чтобы задержать эту шайку, организованную очень искусно, имевшую много агентов в домах и действовавшую необыкновенно дерзко».

Котовский оказался в том самом Кишиневском тюремном замке, где уже побывал в юности, когда его мучили «делом» о подложной характеристике. Начался новый период жизни — жизни в неволе.

Почти семь лет под неусыпным глазом охраны... В Кишиневском тюремном замке; в Николаевской каторжной тюрьме («Одиночный режим... с прогулкой 15 минут в сутки и полной изоляцией от живого мира. На моих глазах люди от этого режима гибли десятками», — писал Г. И. Котовский); в Смоленской тюрьме. Наконец, каторжный труд в далеком Нерчинском крае — в рудниках горного Зерентуя, на Казанских приисках, на строительстве Амурской железной дороги... Какие же внутренние силы нужны были, чтобы не только вынести все это, а и выйти из этого ада еще более сильным, более закаленным человеком.

Монархическая газета поторопилась сообщить о «собственных признаниях разбойников». Котовский

и в тюрьме не поступился своей волей и верой в правду. В Кишиневской тюрьме он категорически не подчинился требованию сменить свою обычную одежду на ту, в которую облачали профессиональных убийц.

Накануне суда Котовский, закованный в ручные и ножные кандалы, одет, как на воле,— на нем костюм, шляпа, высокие сапоги. Та же газета неистовствовала по этому уже не столь существенному поводу: «Уголовные арестанты, грабители и убийцы облачаются обыкновенно в арестантские халаты, как и подобает по чину. Котовский же почему-то составляет исключение: одет он щегольски, держит себя нагло, развязно, вызывающе, защищается нахально, словом «герой дня» да и только. Кажется, что если адвокатам больше нравится видеть арестанта прилично одетым, то лучше всего было бы облачить Котовского во фракную пару, а на ноги вместо кандалов надеть изящную цепочку от часов. Так было бы эффективнее».

Мир уголовщины был глубоко чужд Котовскому. Известно немало случаев стычек Григория Ивановича с убийцами, ворами, пытавшимися насаждать среди арестованных свои порядки. В Кишиневской тюрьме кроме официального порядка был еще и «порядок», установленный вожаками уголовников. Урки бессовестно обирали арестантов, заставляли их работать на себя, унижали человеческое достоинство заключенных, за неподчинение били, случалось и убивали. Но так было до появления в тюрьме Г. И. Котовского. Новый заключенный объявил, что отныне все будет иначе. И уголовники стали плести вокруг него заговоры. Котовского пытались ошпарить кипятком, нападали на него с ножами... Но трудно было осилить или перехитрить этого сильного и умного человека.

Начался негласный поединок Котовского и вожака шайки профессиональных убийц Загари. Григория Ивановича предупредили о готовящемся нападении, некоторые из друзей советовали поостеречься, не вступать в конфликт с Загари. Но Котовский, напротив, сам искал повода, чтобы проучить главаря тюремных уголовников. Во время одной прогулки Загари и еще три бандита подошли к Котовскому и стали оскорблять его. Котовский нанес Загари удар такой силы, что бандит, слывший силачом, мячиком отлетел на мостовую. Между уголовниками и остальными арестантами завязалась драка, в ход пошли булыжники, железные прутья... С этого дня в арестантских камерах последнее слово всегда было за Котовским.

Следствие длилось больше года. Котовский и его товарищи на всех допросах твердили одно: главная цель их акций заключалась в стремлении помочь народу. Да, они забирали деньги и драгоценности у богатых, но большую часть их отдавали крестьянам, себе оставляли ровно столько, чтобы хватало на оружие, одежду и оплату жилья.

Суд вынужден был признать красноречивый факт: при аресте у Котовского не было обнаружено ни денег, ни драгоценностей. Облик бескорыстного защитника народа вызывал у трудовой Бессарабии бесконечные симпатии. К «делу» Котовского было приковано внимание миллионов сочувствовавших ему людей. Бывший адвокат Григория Ивановича, защищавший его на этом процессе, В. Городецкий уже в советское время писал: «Когда один человек, неимущий, отнимает часть имущества у другого, имущего, то обыкновенно он это делает в личных интересах, для себя и только для себя. Это просто и понятно всем.

Когда же образованный, сознательный человек, рискуя своей жизнью, отнимает часть богатства у имущего и раздает его неимущим, такое необыкновенное явление, такой протест личности против несправедливого распределения богатства в обществе будит общество и привлекает к себе его внимание. Этот человек... думает не о личном эгоистическом счастье, а о счастье других, о счастье всего общества... Вот тот магнит, который привлек любопытство и внимание общества к личности героя в этом процессе»¹.

13 апреля 1907 года суд приговорил Г. И. Котовского к десяти годам каторги. При разбирательстве не упоминался факт освобождения котовцами арестованных мужиков. Сделано это было специально: эта акция не укладывалась в схему уголовного дела, рассматриваемого в открытом заседании. Поэтому в ноябре того же года в Кишиневе состоялся еще один суд над Котовским. Этот процесс убедительно показал, что узник Кишиневского замка — непримиримый враг мира эксплуататоров, защитник народа, борец за справедливость. Газета «Бессарабская жизнь», сообщая подробности, вынуждена была признать: «В судебном заседании Котовский, не отрицая факта освобождения им арестантов, не признал себя виновным, находя, что в поступке его нет ничего преступного... Котовский защищал себя лично и сначала старался открыть перед присяжными заседателями свои политические воззрения на общественный строй и угнетение низших слоев общества».

Власти по достоинству «оценили» и поступок Котовского — освобождение арестованных, — и его «политические воззрения на общественный строй» — к десяти годам каторги ему добавили еще два года.

¹ Республиканский музей Г. И. Котовского и С. Г. Лазо (в Кишиневе), инв. № 2КП—2285.

По свидетельству одного из политзаключенных, который познакомился с Григорием Ивановичем в Кишиневской тюрьме, «сам Котовский причислял себя в то время к политическим с еще невыясненным мировоззрением». За годы, проведенные в тюрьмах и на каторге, мировоззрение Григория Ивановича значительно изменилось. Он все глубже постигал самую главную в жизни правду — правду партии большевиков. На этапах, в пересыльных тюрьмах, на каторге он встречался с политическими заключенными. К сожалению, имена многих из них остались неизвестными. В Александровской центральной каторжной тюрьме (через которую прошли Ф. Дзержинский, Ф. Артем, М. Фрунзе, Г. Орджоникидзе) он познакомился с большевиками — участниками революции 1905 года. Шестнадцать большевиков сидели вместе с Котовским в Читинской пересыльной тюрьме. От них Григорий Иванович впервые узнал правду о РСДРП, здесь он читал большевистскую газету «Пролетарий». Разговоры с политзаключенными о роли трудящихся масс, в первую очередь пролетариата, в революции продолжались в Зерентуйской тюрьме... В долгих беседах, а иногда и спорах рождались самые дорогие для него истины: о причинах поражения первой русской революции, о ее движущих силах, о путях дальнейшей борьбы с самодержавием, о будущем страны — о том времени, которое наступит после революции, когда будет свергнут царизм.

Тюрьма еще больше закалила волю Григория Котовского. Семь лет его ни на минуту не покидала одна, но пламенная страсть — стремление вырваться на свободу. Много раз и кандалы, и неусыпность стражи, и высокие каменные стены тюремных замков оказывались побежденными — Котовский совершал побеги. История побегов Григория Ивановича богаче са-

мого пылкого воображения, многое в ней — на грани фантастики.

Уже на второй день ареста он начал разрабатывать план побега. Изучал, как устроена Кишиневская тюрьма, запоминал распорядок караульных служб, налаживал связи с арестованными дружинниками. И скоро вызрел план...

В дверь одной из камер настойчиво постучали. Охранник открыл дверь, и в эту же минуту на него набросились, связали, закрыли кляпом рот и отобрали револьвер. С этим оружием скрутить второго надзирателя было уже легче. Котовский, как и в прежние дни, руководил всеми действиями четко и спокойно. Скоро все коридорные были обезоружены, а камеры открыты.

— Всем выходить во внутренний двор! — командовал Котовский и пояснял: вышел царский манифест об освобождении заключенных, но его скрыли. Во внутреннем дворе он его зачитает.

Удалось отобрать ключи у привратников во внешний двор, ключи от башен. Затем Котовский во главе небольшого отряда ворвался в караульное помещение и захватил стоявшие там винтовки. Оставалось открыть наружные ворота. По плану Котовского несколько арестантов уже переоделись в форму стражников и должны были вывести из тюрьмы колонну узников якобы для отправки в Одессу... Но все испортили уголовники. Не дождавшись, когда будут открыты ворота, они, приставив к стенам доски, стали перелезать через крепостную стену. Наружные часовые подняли тревогу, к тюрьме спешно прибыли наряды полиции и жандармерии...

Котовский, закованный теперь уже в две пары кандалов, разрабатывал новый план. По свидетельству газеты, «подрыта была стена и сделан подкоп под

фундамент тюрьмы с тем, чтобы пробить выход на Сенную площадь»¹. Убежать не удалось и на этот раз: тюремщики обнаружили подкоп. Котовского перевели в одиночную камеру, помещавшуюся на верху самой высокой тюремной башни. Отсюда нельзя было ни общаться с другими узниками, ни делать подкопов. Тюремщики надеялись, что наконец-то он успокоится.

Но к концу августа Котовский снова разработал план побега из каменного мешка. Друзья через женщину, которая смогла войти в доверие к начальнику тюрьмы, передали Григорию Ивановичу пистолет, пилку и специальные, усыпляющие, папиросы.

А из одеяла, которое начальство разрешило обаятельной женщине подарить заключенному, получилась не очень длинная, но достаточно крепкая веревка.

В тот вечер Котовский угостил надзирателя ароматной папиросой... Так началась эта фантастическая, смелая операция.

«... Бежал из местной тюрьмы содержавшийся там долгое время Григорий Котовский,— сообщалось в газете.— Это уже не первая попытка к побегу этого почти легендарного арестанта... Ввиду неоднократных попыток к побегу, за камерой, в которой содержался Котовский, внутри тюрьмы и снаружи наблюдали часовые. Вчера в 5 с половиной утра стражник, обходивший тюрьму снаружи, заметил, что из окна чердака, находящегося над камерой Котовского, свешивается веревка, сделанная из разорванного на полосы одеяла. Тотчас же бросились к камере, в которой содержался Котовский. Когда толкнули дверь камеры, она легко открылась, так как скоба, на которую

---

¹ Бессарабская жизнь, 1906, 1 июля.

дверь закрывалась, была снята. В камере на полу лежали кандалы Котовского, неизвестно каким образом снятые, а самого Котовского и след простыл. Пока удалось лишь выяснить, что, опустившись по веревке во двор тюрьмы, он приставил доску к забору и таким образом вырвался на свободу. Веревка не достигала до земли, и бежавшему пришлось сделать большой прыжок»¹.

Через два дня та же газета извещала: «Несмотря на принятые полицией энергичные розыски, установить местонахождение бежавшего Котовского до сих пор не удалось... Повсюду разосланы его фотографические карточки. Есть предположение, что Котовский уже успел перебраться за границу».

«На этот раз, кажется, Котовский исчез окончательно», — писали «Одесские новости».

Не обошлось, конечно, и без газетной утки. «Бессарабская жизнь» фантазировала: «В его бывшей камере найден подробно разработанный чертеж воздушного шара с подробными вычислениями необходимых для устройства шара материалов и инструментов и обозначением стоимости каждого из них: например, 30 аршин шелку по 1 руб. 50 коп. за аршин, подкладки, насос и т. д. Возможно, что Котовский разрабатывал план «улететь» из тюрьмы. Газета «Друг» пугала обывателя: «Нам сообщают, что бывший в заключении в Кишиневском тюремном замке и недавно оттуда бежавший атаман разбойничьей шайки 8 сентября ночью перебежал через австрийскую границу и таким образом скрылся от разыскивавших его чинов русской полиции. Многие предполагают, что в Австрии он соберет новую шайку негодяев и вновь появится с нею в Бессарабии»².

Котовский нашел приют у друзей в Кишиневе. Но

¹ Бессарабская жизнь, 1906, 1 сентября.

² Друг, 1906, 11 сентября.

короткой была его свобода — 24 сентября, преданный провокатором, он был выслежен, арестован и снова посажен в тюрьму.

Строго и бдительно следят за ним стражники. Но вскоре обнаруживают под полом карцера подкоп, ведущий к стенам замка. Взбешенные тюремщики переводят Котовского в камеру, расположенную на верхнем этаже тюрьмы. Но он и не думает сдаваться. Его изобретательность не знает границ. «Смирившись», он вдруг проникается большой любовью... к церковному пению, записывается в хор и начинает старательно петь псалмы. Потом в хор потянулись его товарищи. Но тюремное начальство разгадало игру Котовского — побег не удался.

И вот нерчинская каторга. Изнурительный труд выматывал все силы, кормили каторжан плохо, наиболее строптивые из них (а Котовский всегда был в их числе) заковывались в кандалы. Бежать? Если некоторым смельчакам это и удавалось, то они гибли в дремучей и бескрайней тайге — или от холода или от хищников. И все-таки Котовский не сдаётся и здесь. Он ежедневно делает по утрам гимнастику и твердо верит, что нет таких препятствий, которые он не сможет одолеть.

Планы, планы... Один фантастичнее другого. И фатальное на первых порах невезение. Однажды Котовский, переодевшись в поповскую рясу, уже было вышел за ворота тюрьмы. Но в этот момент навстречу ему попались подвыпившие стражники, которым страсть как вдруг захотелось поговорить с «попом». В результате ножные и ручные кандалы, карцер, кусок сухаря с водой, а потом — путешествие по этапу на страшные Казаковские прииски. Мысль о побеге пришлось отложить. Но только на время.

Его снова вернули в Горный Зерентуй на серебряно-свинцовую шахту. Утром каторжан опускали в глубокий темный колодец, поздно вечером стража, дежурившая сверху, принимала узников, чтобы отвести их в тюрьму.

Котовский запасал сухари, спички. Однажды незадолго до окончания смены он прикинулся заболевшим и попросился наверх. Ничего не подозревавшие стражники собрались уже было надеть на него кандалы, как он разбросал их сильными ударами, стащил с одного из охранников шубу, валенки, забрал винтовку и скрылся в тайге.

Через несколько дней вблизи одного из селений его схватили. Теперь он работал на строительстве железной дороги, всю зиму возил тачку с глиной. Сопки, реки, болота... Среди каторжан свирепствовала цинга. Даже могучее здоровье Котовского пошатнулось. Но он снова живет только надеждой на побег. В феврале 1913 года решается бежать. На его поимку охрана кинула все силы. В дело включился даже департамент полиции. Сотни шпиков, пряча за пазухами фотографии Котовского, прибыли в населенные пункты Нерчинского края, отряды полицейских прочесывали тайгу.

Все было тщетно. След Котовского пропал. Бесстрашный борец, несмотря на февральскую стужу, особенно страшную в безлюдной тайге, прокладывал свой маршрут по самым непроходимым чащобам. Через десять дней, обессиленный, он упал у порога маленькой сторожки путевого обходчика. Тот накормил, обогрел, а через неделю, переодев в потрепанную форму железнодорожника, посадил его на поезд, идущий в Благовещенск.

После долгих скитаний Г. И. Котовский снова оказался в Бессарабии. Григорию Ивановичу к тому

времени было тридцать три года. Каторга не сломила его. Он снова рвался к борьбе. Тюремны и каторга, встречи и разговоры с политическими заключенными (в первую очередь с большевиками), увиденное собственными глазами, пережитое, передуманное в карцерах, шахтах, в тайге — все это способствовало более глубокому пониманию жизни, формировало более четкие политические позиции.

Его боевая дружина совершает акции, на этот раз носящие ярко выраженный политический характер. Например, в марте 1915 года на станции Бендеры котовцы освободили заключенных, посадили в повозки и мигом скрылись. Охранка, узнав о случившемся, легко узнала почерк Котовского. В отличие от прошлых удалых налетов на богачей, теперь для экспроприации выбирались самые крупные фигуры. И дело было не только в том, что они располагали большим богатством (хотя и это обстоятельство, несомненно, принималось во внимание), — за каждой такой фигурой стоял тот или иной узаконенный строем эксплуататорский институт, поэтому акция против его представителя была всегда политической.

Полиция сбивалась с ног. Теперь она понимала, что ищет не рядового уголовного, а человека, наделенного незаурядными качествами. Десять лет назад, составляя словесный портрет Котовского, полицейские писали для своих агентов: «Роста два аршина семи вершков, глаза карие, усы маленькие, черные... под глазами маленькие темные пятна, физически очень развит, походка легкая, скорая...» Как видим, полицейские в ту пору ограничивались описанием внешних примет. Теперь, чтобы словить «опасного политического преступника», этого было недостаточно. Был отпечатан тысячным тиражом специальный листок с двумя фотографиями Котовского.

В нем говорилось: «Беглый каторжник Григорий Иванович Котовский разыскивается по обвинению в целом ряде вооруженных грабежей. Он... прекрасно говорит по-русски, молдавски, еврейски, а равно может объясняться и на немецком языке...» Далее почти слово в слово пересказывается секретный циркуляр, составленный кишиневским полицмейстером и предназначенный для работников охраны: «Котовский производит впечатление вполне интеллигентного человека, умного и энергичного, в обращении старается быть со всеми изящным, чем легко привлекает на свою сторону симпатии всех имеющих с ним общение. Выдавать он себя может за управляющего имениями, а то и помещика, машиниста или помощника машиниста, садовника, представителя какой-либо фирмы или предприятия, представителя по заготовке продуктов для армии и т. д., стараясь заводить знакомства и сношения в соответствующем кругу... Одевается прилично и может разыгрывать настоящего джентльмена, любит хорошо и изысканно питаться и наблюдать за своим здоровьем, прибегая к изданным по этому вопросу книгам и брошюрам».

Автор этих текстов, кишиневский полицмейстер Славинский, менее всего был заинтересован в украшивании облика Григория Ивановича Котовского. Даже враги не могли не видеть его незаурядных способностей.

Около трех лет бессарабская полиция, несмотря на тщательные поиски, не могла напасть на след Котовского. То он в Кишиневе, то в Тирасполе, то в Одессе. Но вот 24 июня 1916 года в кишиневское полицейское управление пришел человек (фамилия его осталась неизвестной), который сообщил: Котовский скрывается в Бендерском уезде на хуторе помещика Стаматова, служит ключником, имеет паспорт на имя

Ивана Ромашкана. Предатель получил от охраны обещанные две тысячи рублей. В тот же день большой отряд полицейских выехал в Бендерский уезд.

25 июня все газеты опубликовали сообщение Российского телеграфного агентства: «Кишинев... Арестован беглый каторжник Котовский... За поимку его полиции выдано 5000 рублей». Один из кишиневских столпов, бывший начальник тюрьмы Поповненко, через много лет будет давать советскому суду показания, в которых, в частности, расскажет: «Ни одного арестанта в городе не водили с таким конвоем. Когда Котовского вели в тюрьму, то надели кандалы на руки, на ноги, и эти кандалы были соединены цепью, которая охватывала и шею. Конвой состоял из 30 человек. Все знали, что Котовский ранен, но оказывать ему медицинскую помощь никому не приходило в голову. Полицейские избивали его прикладами и рукоятками наганов».

В июле 1916 года Г. И. Котовского увезли в Одесскую тюрьму.

Выбор

---

4 октября 1916 года у здания Одесского военно-окружного суда остановился крытый, с решетками на окнах автомобиль. В нем привезли Котовского. Четверо стражников долго отмыкали цепи, которыми он был прикован к скамейке, потом, проверив запоры на ручных и ножных кандалах, вывели его из машины. Эскорт конных полицейских расступился, образовав тесный проход к дверям здания.

Котовский успел на миг оглянуться, чтобы, может быть, в последний раз посмотреть на маленькую

площадь у спуска к морю, бронзового Ришелье с крапинками мелкого осеннего дождя на плечах, темное море с одиноким парусом за Воронцовским маяком... Одиннадцать лет назад с этой площади он увидел красный флаг революционного «Потемкина». В тот день в нем созрело окончательное решение о выборе цели жизни — бороться с народными угнетателями.

Жалел ли он об этом выборе? На его пути стояли тюрьмы, каторга. Теперь он снова привел его в каменные, окруженные полицейскими стены...

Конвойный резко захлопнул дверь. Через несколько минут председатель суда уже читал обвинительный акт. По условиям военного времени «разбойник», «грабитель», «атаман шайки», «организатор налетов и ограблений» не мог рассчитывать на снисхождение. Прокурор, как и ожидалось, потребовал для подсудимого смертной казни через повешение.

Может быть, теперь Котовский пожалел о клятве, которую он дал себе одиннадцать лет назад? Нет! Ни тени сожаления не было в его речи на суде. Он говорил о том, что боролся против существующего в стране социального неравенства, эксплуатации народа, против несправедливости. Своими действиями он стремился помочь бедным и бесправным. «Если я и носил при себе револьвер,— говорил Котовский,— то больше для фасона. В ход я его никогда не пускал, и на моей совести нет ни одного кровавого пятна... Я с любовью относился к жизни человека как к высшей ценности, данной ему природой. Я глубоко уважал человека, его человеческое достоинство и никогда не позволял себе над этим достоинством издеваться... Своими действиями я мстил всему сильному и злему, взявшему верх над слабым».

Котовский не просил снисхождения. Он желал только одного — приговора не к повешению, а к расстрелу.

Нет, Котовский не жалел об избранном пути. Через несколько дней в камере смертников появился защитник и напомнил, что у приговоренного осталось право просить о помиловании (а для этого, конечно же, требовались слова раскаянья). Григорий Иванович категорически отказался воспользоваться этим правом.

В камеру смертников вместе с темнотой вползла мучительная тишина. Обреченные с замиранием сердца прислушивались к звукам, доносившимся из коридора, — не идет ли охрана за кем-либо из них? За кем на этот раз? Некоторые не выдерживали той нервной нагрузки, сходили с ума... Как же велика была воля к жизни у Котовского, если и в этих условиях он не терял надежду на освобождение! По вечерам, на удивление остальных смертников и охраны, он подолгу делает физические упражнения. Гимнастика не дает расслабиться не только телу, а и духу. Только не сдаваться! Сколько еще дней и ночей осталось у него? А может, есть возможность как-то оттянуть время казни? Как?

Котовский вспоминает слова адвоката: «просьба о помиловании». Помиловать его, конечно, не помиλούν, но он должен выиграть хоть небольшое время! И он просит у охраны чистый лист бумаги...

Что же придумал изобретательный ум Григория Котовского?

Н. В. Брусилова, жена главнокомандующего Юго-Западным фронтом А. А. Брусилова, жившая в те дни в Одессе, вспоминала: «Однажды в полночь, когда я сидела за столом, вошел слуга и подал мне письмо со словами: «Его принес мальчуган из тюрь-

мы...» Письмо это было от Котовского. Письмо длинное, подробное и очень хорошо написанное. На рассвете он должен был быть повешен... На размышления времени больше не оставалось, нужно было действовать. Я осенила себя крестом и заставила себя позвонить генерал-губернатору Эбелову, губернатору города Сосновскому, прокурору Одессы. Я просила их отложить казнь Котовского, чтобы иметь время написать моему мужу. Они ответили нелюбезным тоном: «Что вы будете беспокоить Алексея Алексеевича, когда завтра утром этот Котовский будет вздернут на веревке и мы избавимся от него...» Мне удалось добиться, что казнь Котовского будет отложена на несколько дней. Я облегченно вздохнула и села писать своему мужу... На второй день к вечеру узнала, что Алексей Алексеевич говорил по прямому проводу со штабом Одессы и что осуждение Котовского на смерть было заменено каторгой»¹.

Котовский узнал об этом только в середине ноября 1916 года...

Приближался исторический семнадцатый год. На бескрайних перерытых окопами полях гибли под пулями солдаты русской армии. Правда, это были уже другие солдаты, вовсе не похожие на тех, что полегли в первых сражениях империалистической войны. Эти солдаты не хотели глупой, бессмысленной смерти за чужие интересы. Под влиянием агитаторов-большевиков они все яснее начинали осознавать, что корень всех несчастий России — самодержавный строй. Страна жила в предчувствии революционных потрясений. Одна за другой прокатывались по стране забастовки и волны крестьянских бунтов.

Котовский встретил семнадцатый год все в той

---

¹ Ниструл, 1965, № 2.

же Одесской тюрьме, в камере «вечников» — приговоренных к бессрочной каторге. Здесь его и застала Февральская революция.

В числе амнистированных политических заключенных он не значился — министры Временного правительства продолжали числить его уголовным преступником.

Старая администрация Одесской тюрьмы была уволена, новая часто терялась в необычной обстановке. С арестантов были сняты кандалы, двери камер на день оставались открытыми, представители заключенных стали контролировать работу тюремной столовой и даже помогали охранять тюрьму. Котовский получил право уходить из тюрьмы с обязательным возвращением в нее на ночь.

Он внимательно приглядывался к политической жизни города и вскоре стал принимать в ней активное участие. Ходил на митинги, вслушивался в дискуссии... Все чаще симпатии Котовского — на стороне вышедших из подполья большевиков. Однажды по их поручению (большевики в те дни руководили в Одессе, в частности, рабочей милицией) Григорий Иванович собрал в кофейне «Саратов» находившихся на свободе уголовников. Под его влиянием они заявили о том, что порывают со своим прошлым и готовы содействовать поддержанию и сохранению порядка и безопасности в возрожденной Одессе. Котовский, как видим, отлично справился с трудным и важным поручением. Одесса в те дни кишела уголовниками. Один только Мишка Япончик верховодил «малиной», насчитывавшей несколько тысяч воров. Обуздать эту черную силу было делом чести для первых органов исполкома Одесского Совета.

Популярность Котовского уже к тому времени была велика. Об этом свидетельствует занятый эпи-

зод, о котором вспоминает Л. О. Утесов. «Однажды в каком-то кафе был устроен необычный аукцион,— пишет Леонид Осипович,— самые разнообразные вещи продавались в пользу раненных в империалистической войне солдат. Я, тогда совсем еще молодой актер, вскакивал на стол и выкрикивал название вещи. И вдруг собравшиеся в зале ахнули: я предложил им купить кандалы... Котовского. Тогда они были проданы по баснословной цене...» А через несколько дней во время антракта в Городском театре (ныне Одесский оперный театр) был организован аукцион, на котором продавались ножные кандалы Григория Ивановича. Свыше трех тысяч рублей, вырученных от этой продажи, пошли на благотворительные цели...

Котовский, освободившись от кандалов, продолжал, несмотря на неофициальный титул «президента тюремной республики», считаться заключенным. Он вовремя возвращался в камеру, соблюдал все другие требования администрации тюрьмы. На первый взгляд это может показаться странным: Котовский, который совершал побеги из охраняемых (да еще как!) тюрем, теперь, когда двери тюрьмы для него практически открыты, не уходит на свободу.

Конечно, он мог уйти из тюрьмы, сесть в поезд и уехать из Одессы. Никто его и искать не стал бы! Но кем он сойдет с поезда? Все тем же уголовником, «разбойником», «атаманом шайки» — мало ли как обзывали его десять с лишним лет продажные черносотенные газетенки... Нет, он добьется официально пересмотра своего дела. Теперь, после революции, он смоем наконец позорное клеймо — оно так несправедливо и унижительно было на нем столько лет!

Однако надежды на Временное правительство не оправдались. Постановление, которое в конце концов было вынесено по делу Котовского, гласило: бес-

срочную каторгу заменить двенадцатилетней каторгой.

Котовский добивается освобождения из тюрьмы: просит министра юстиции Временного правительства разрешить ему уехать в действующую армию. В начале мая 1917 года Одесский военно-окружной суд «на основании постановления Временного правительства» принимает решение: условно освободить Котовского от наказания и передать его в ведение военных властей...

Начиналась новая полоса в его жизни.

Попав в действующую армию, Котовский, сначала рядовой разведчик, скоро получил унтер-офицерский чин, стал начальником команды разведчиков. Воевал смело, находчиво, за что был отмечен Георгиевским крестом. Империалистическая война преподала первые уроки военного искусства — Григорий Иванович здесь впервые командовал боевыми действиями отряда регулярной армии. Вместе с тем он с головой уходит и в сложную политическую жизнь Румынского фронта.

Большевики готовили страну к коренным социальным изменениям. Уже прибыл из эмиграции вождь партии Ленин. С броневика у Финляндского вокзала Петрограда уже были произнесены им знаменитые слова: «Да здравствует социалистическая революция!» Не всем до конца был понятен ленинский план подготовки пролетарской революции. Даже для некоторых руководящих партийных работников он оказался неожиданным. Требовалась огромная работа, чтобы раскрыть антинародную сущность Временного правительства, оппортунизм мелкобуржуазных партий, — работа по завоеванию на свою сторону рабочих и всех трудящихся.

Те дни были особенно важными в жизни каждого

жившего тогда в России человека — каждый выбирал свое место на баррикадах в предстоящих сражениях. Выбор, в первую очередь продиктованный гражданскими и политическими убеждениями, классовой позицией. Котовский правильно ориентируется в быстро меняющейся политической ситуации в стране, точно определяет свое место в революции.

Большевиков в армии на Румынском фронте было мало. Преобладали эсеры, кадеты, меньшевики. Среди офицеров очень многие мечтали о восстановлении монархии. Командование фронта во главе с генералом Щербачевым не случайно в дни Октября займет активную контрреволюционную позицию, а в январе восемнадцатого года — в дни борьбы за Советскую власть на юге страны — совершит предательство — откроет границу интервентам. Котовский в той сложной обстановке сознательно тянется туда, где идут самые жаркие политические бои. Продолжая оставаться на позициях «революционного оборончества», он все чаще начинает становиться на платформу большевиков, все чаще голосует за их программу.

Да, это было время жарких митингов, горячих споров и дискуссий. Но вместе с тем это было и время решительных и очень важных действий. Люди, голосовавшие на митингах за разные программы, как правило, в дни, когда заговорит братоубийственное оружие, разойдутся по разные стороны баррикад.

Весть об октябрьских событиях в Петрограде всколыхнула фронт. Щербачев стал срочно готовить карательную экспедицию в столицу для подавления революции. Контрреволюционное командование фронта активно помогало оружием и продовольствием генералу Каледину, уже поднявшему мятеж на Дону. Соглашательский эсеро-меньшевицкий ис-

полком Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области (Румчерод) принял резолюцию, осуждавшую вооруженное восстание в Петрограде. Большевики, эсеры, бундовцы, созвав 31 октября фронтовой съезд, добились, что большинство на нем голосовало против установления в стране Советской власти. По инициативе контрреволюционеров, националистов в армиях были созданы так называемые «ревкомы», которые подавляли выступления солдат в защиту пролетарской революции.

В этой сложной обстановке Котовский защищает большевистскую программу. Позднее, рассказывая об этом времени, он напишет: «Еще не осознавая и не охватывая умом всей работы большевиков, я по интуиции присоединяюсь к ним как к партии, которая мне наиболее близка и к которой я близок... Ведь я с первого момента моей сознательной жизни, не имея еще тогда никакого понятия о большевиках, меньшевиках и вообще революционерах, был стихийным коммунистом... Я, не зная партии, уже был большевиком»¹.

26 ноября 1917 года в Галаце собрался второй съезд Советов и комитетов 6-й армии Румынского фронта. На нем были представители различных партий. С пламенной речью перед делегатами в защиту большевистской программы выступил Котовский. На съезде он был избран членом армейского комитета.

В дни работы съезда контрреволюция пыталась спровоцировать на юге страны беспорядки. Подняли голову, в частности, черносотенцы. Съезд откомандировал на подавление контрреволюционных волнений несколько отрядов. Одним из них командовал

---

¹ Г. И. Котовский. Документы и материалы, с. 18.

Котовский. «Тов. Котовский, записавшийся первым на опасное дело, с группой в семь человек прибыл в городок Болград в самый разгар погрома...» — вспоминал в 1923 году бывший председатель съезда Л. Дегтярев.

— Стой, остановитесь, — раздался его зычный голос. — Товарищи, слушать мою команду! — обратился он к толпе.

— А ты кто такой выискался? — раздался чей-то вызывающий голос.

— Я — Котовский.

Этого было достаточно, чтобы часть толпы остановилась, обратив на прибывшую группу внимание.

— Именем армейского комитета приказываю немедленно разойтись... — Кто-то засмеялся, кто-то выстрелил.

— Пальба взводом! Взвод! — раздалась команда. Курки винтовок дружно щелкали. Еще мгновение... и толпа, как назлектризованная, замерла в ожидании залпа выстрелов. Его не последовало. Вместо него раздался снова твердый голос Котовского: «Вот этого арестовать и этого. Остальные немедленно расходись!» — ...И страшная воля этого человека, страшная власть над толпой — еще минута и — буйствовавшая толпа мирно и покорно разошлась¹.

30 ноября 1917 года избранием большевистского фронтового комитета закончилась общесфронтная конференция в Кишиневе. 10 декабря в Одессе начал работать II съезд Румчерода. На нем развернулась ожесточенная полемика между представителями различных партий, победу одержали большевики: делегаты съезда одобрили деятельность Совета Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным и по

¹ Солдаты революции. Документальные очерки. Кишинев. 1977, с. 90—91.

всем вопросам повестки дня приняли большевистские резолюции. Это была особо важная победа. Большевистский Румчерод взял курс на борьбу с контрреволюцией, за установление на юге страны Советской власти.

Чем дальше развивались события, тем все большей активности, большей самоотверженности и большей стойкости требовала революция от своих бойцов. Среди преданных революции людей был в те дни и Григорий Иванович Котовский. В это время он сближается с А. Христовым, Я. Мелешиним, И. Якиром и другими видными деятелями ленинской партии.

В декабре 1917 года армейский комитет VI армии направил Котовского в Кишинев, своим представителем во фронтотдел большевистского Румчерода. Здесь он организует борьбу с контрреволюционными силами, участвует в закрытии реакционных газет, часто выступает на митингах — разоблачает, в частности, действия органа «Сфатул цэрий».

Этот орган 20 декабря 1917 года обратился к иностранным державам с просьбой ввести в Бессарабию войска. Боярско-помещичья Румыния не заставила себя долго ждать.

Большевики срочно принимают контрмеры. В Кишиневе организуется Революционный штаб советских общереспубликанских войск Бессарабского района во главе с председателем исполкома Кишиневского Совета Е. М. Венедиктовым. Фронтотдел Румчерода помогает установлению в крае Советской власти. В ночь на 1 января 1918 года революционные войска устанавливают контроль за важнейшими в Кишиневе объектами, в том числе и железной дорогой. День этот вошел в историю как день установления в крае Советской власти.

Котовский находится в самом центре событий: организует рабочие дружины, формирует революционные отряды из солдат воинских частей, вооружает их, участвует во многих мероприятиях, проводимых органами Советской власти.

14 января, теснимые превосходящими силами оккупантов, советские войска временно отходили к Бендерам. Последним, прикрывая тылы революционных отрядов, покинул Кишинев отряд, незадолго до этого сформированный Григорием Ивановичем Котовским.

Потом будут жестокие бои в Бендерах, отход в Тирасполь, бои с гайдамаками в Одессе, дерзкие партизанские вылазки в Бессарабию, оккупированную королевской Румынией. Будет — в составе Тираспольского отряда, которым командовал Венедиктов, — отступление на восток — Раздельная, Вознесенск, Кривой Рог, Екатеринослав... И все это время будет жить, не давая покоя, саднить сердце, тоской сжимать душу мечта: вернуться. Вернуться в отчий край, где вновь господствует несправедливость, где снова стонет народ. Вернуться, чтобы изгнать оккупантов и утвердить в отчем крае самую справедливую, Советскую власть.

Уже выстроит Котовский свой выросший и окрепший отряд на левом берегу Днестра, уже возьмется за эфес шашки, чтобы, вырвав ее над головой, громко скомандовать атаку... Но начавшаяся интервенция, кровавые события гражданской войны заставили согласиться с самым трудным решением: ждать, ждать и бороться.

В июне 1918 года в Одессе, оккупированной интервентами, появился стройный, широкоплечий человек. Черная борода и мастерски наложенный грим

надежно скрывали лицо Котовского, паспорт же, лежавший в кармане хорошо сшитого костюма, удостоверял: помещик Золотарев.

Он снял номер в самой дорогой гостинице, часто посещал рестораны, биллиардные и не скупился на угощение для своих новых друзей — немецких и белогвардейских офицеров. Золотарев всегда был весел, несмотря на то, что, по его словам, пострадал от большевиков. Все это делало его душой общества одесских временщиков. Они охотно делились с ним не только впечатлениями от новой программы кафешантана, а и рассказывали более серьезные вещи, иногда выбалтывали секреты.

Котовский усиленно искал связь с подпольным ревкомом.

Вскоре связь была налажена. Теперь каждый день у помещика Золотарева, кроме встреч с «дружками» из оккупационной армии, как правило, была еще одна встреча — тайная, на квартире, где, скрываясь от глаз вражеской контрразведки, работал Одесский ревком. Сюда стекалась добываемая разведчиками информация. Здесь, несмотря на малочисленность сил, осуществлялась плодотворная работа по организации борьбы с оккупантами.

В Одесском подполье Котовский познакомился с прекрасными людьми, которых он полюбил сразу и на всю жизнь. Это были посланцы партии — руководитель Одесского обкома партии Иван Смирнов (Николай Ласточкин), организаторы и руководители «Иностранной коллегии» при подпольном комитете партии Яков Елин и Жанна Лябурб, балтийский матрос легендарный Анатолий Железняков.

Вскоре ревком поручил Григорию Ивановичу организовать диверсионный отряд. Двести пятьдесят дружинников, возглавляемые Котовским, взрывали

железнодорожные эшелоны оккупантов, склады с оружием, справлялись с предателями и провокаторами, добывали средства для подпольной работы. Действовали они так умело, что все усилия вражеских контрразведчиков, направленные на ликвидацию отряда, оказывались тщетными: совершив очередной дерзкий налет, дружина бесследно исчезала.

Документов, рассказывающих о деятельности одесских подпольщиков той поры, мало, тем ценнее сохранившиеся свидетельства. Вот одно из них — письмо бывшего начальника разведки Одесского подпольного обкома партии И. Э. Южного-Горенюка, предназначенное для Одесского областного партийного архива:

«С товарищем Котовским Г. И. я встречался в период с февраля 1919 года до эвакуации французских интервентов 5—6 апреля 1919 года по заданию подпольного ревкома. Обычно мы встречались на Соборной площади, на одной из садовых скамеек, где сидели бабушки и няни... Я заставлял тов. Котовского в условленное время, садился на ту же скамью и, выслушав его сообщение, в свою очередь передавал задание ревкома. В этот период Красная Армия приближалась к Одессе. Задания тов. Котовскому в основном сводились к диверсионным актам по линии железной дороги, которые затруднили бы продвижение белогвардейских войск, боеприпасов и продовольствия к фронту, дезорганизовывали белогвардейский тыл. Тов. Котовский со своим отрядом взрывал пути, обстреливал составы с войсками и боеприпасами, пускал их под откос. Однажды... Котовский со своим отрядом в одну ночь подорвал пути по линии Одесса—Раздельная в 18 местах, что произвело большой переполох в лагере белогвардейцев и француз-

ских интервентов... На станции Одесса-Главная работал телефонистом Медведев, благодаря которому мы ежедневно получали копии телеграмм, благодаря ему добыли шифр и могли расшифровывать секретные телеграммы. Это давало мне возможность снабжать Г. И. Котовского необходимой информацией — куда направлять удар, а также мы имели данные из первоисточника о результатах выполнения тов. Котовским задания ревкома».

Одесское подполье напомнило Григорию Ивановичу его молодость — смелые акции против богачей. Сейчас многое в действиях отряда внешне напоминало ту жизнь. Но только внешне. Вот одна из операций, блестяще проведенная отрядом Котовского. Однажды один из одесских фабрикантов отказывался удовлетворить требования забастовавших на его предприятии рабочих. Вскоре он получил письмо от Григория Котовского, в котором тот советовал ему не упрямиться и полностью заплатить рабочим за все дни забастовки и назначил срок ультиматума.

Фабрикант обратился за защитой к властям. Помощь была обещана.

Прошло несколько дней. И вот как-то вечером к дому фабриканта подкатил богатый экипаж. Из него вышел солидный господин в дорогой шубе. У входа путь ему преградила охрана. Господин потребовал вызвать начальника и, когда тот пришел, посоветовал ему:

— Усильте бдительность. У меня есть сведения, что через час сюда прибудет банда Котовского. Я приехал специально, чтобы предупредить вас об этом.

Была объявлена тревога. Приехавший между тем вошел в дом, отыскал в одной из комнат хозяина и представился ему:

— Я — Котовский. Деньги, которые вы должны

рабочим, вам придется передать по назначению с моей помощью. Кроме этого, за непослушание я возьму проценты. Хочу вас заверить, что средства, которые хранятся в вашем сейфе, будут израсходованы на благо общества. Поэтому расписки не оставляю.

Перепуганный фабрикант торопливо открыл сейф...

А Котовский, не довольствуясь этим, предложил:

— Снимите трубку, позвоните в контрразведку и скажите: «В моем доме Котовский».

Когда этот приказ был выполнен, он, не торопясь, пошел к выходу. У калитки начальник караула откозырял богатому гостю. Через несколько минут у особняка фабриканта появились контрразведчики. Их встретили залпами из винтовок, ибо приняли за дружинников Котовского...

Красная Армия, тесня петлюровцев, успешно продвигалась к морю. Уже шли бои под Березовкой, когда, преданные провокатором, 15 марта были арестованы многие руководители Одесского большевистского подполья, в том числе Николай Ласточкин.

Котовскому было поручено вырвать товарищей из лап деникинской контрразведки. Он осуществил дерзкую операцию по спасению подпольщиков, которых держали на черной барже, стоявшей за Воронцовским маяком. К сожалению, среди тех, кто был спасен в ту ночь, не оказалось Николая Ласточкина — белогвардейцы поторопились расправиться с героем.

Котовский поклялся отомстить палачам за смерть руководителя Одесского подпольного обкома партии. И эту клятву выполнил. Через несколько дней белогвардейская верхушка Одессы в ресторане «Реномэ» принимала делегатов от самого Деникина. Расходясь, офицеры не обнаружили в гардеробе двадцати шине-

лей и фуражек. Контрразведка не сомневалась, что это — дело рук Котовского. Так оно и было. Через несколько дней перед рассветом в этих самых шинелях Котовский и его боевые друзья явились в здание одесской контрразведки, обезоружили охрану и вывезли целую машину важнейших и секретнейших документов. Охранка, узнав о случившемся, перевернула всю Одессу, но котовцы как в воду канули...

В начале апреля 1919 года Одесса была освобождена от интервентов и белогвардейцев. Регулярным войскам Красной Армии помогали подготовленные подпольным ревкомом партизанские отряды, в том числе и крупный отряд, созданный Григорием Котовским.

Приближался день освобождения и его родной Молдавии. 13 апреля Одесский военно-окружной комиссариат выдал Котовскому мандат: «Тов. Котовскому Григорию Ивановичу, как испытанному и боевому товарищу, поручается организация боевых частей для освобождения Бессарабии от гнета мирового империализма.

Тов. Котовский работает на территории Одесского округа и подпольно в Бессарабии. Все советские учреждения, исполкомы, ревкомы, также подпольные советские организации оказывают указанному товарищу безусловное содействие»¹.

Неужели он и в самом деле скоро увидит родную землю, услышит шелест дубрав в кодрах, обнимет сестер, пожмет руку друзьям? Один из котовцев, В. Н. Копылов, вспоминает об этих днях: «Работая в Овидиополе, я снова встретился с Котовским. Он приехал к нам в один из апрельских дней 1919 года. Встреча была неожиданной и радостной... Помнится,

---

¹ Г. И. Котовский. Документы и материалы, с. 66—67.

вместе с Григорием Ивановичем мы побывали тогда на пристани (Овидиополь — город, расположенный на левом берегу Днестровского лимана. — В. К.), где он внимательно изучал возможность внезапного налета на бессарабский берег. Для этой цели Котовский рассчитывал, как он мне говорил тогда, использовать несколько десятков рыбацких лодок».

На освобожденной от интервентов и белогвардейцев территории между тем формировались новые воинские части. Появился в это время и Приднестровский советский полк, а в нем — сформированный Котовским кавалерийский отряд. Бойцы полка — в нем преобладали выходцы из Бессарабии — жили в нетерпеливом ожидании приказа форсировать Днестр. Советское правительство предъявило королевскому правительству Румынии ультиматум — потребовало вернуть Бессарабию, вероломно оккупированную в 1918 году. Ответа не последовало. Тогда Красная Армия перешла Днестр. Но в это время в спину молодой республики вонзился еще один предательский нож — поднял мятеж бывший петлюровский атаман, командир 6-й дивизии 3-й армии Григорьев. Подавление мятежа стало первоочередной задачей.

Над страной сгущались черные тучи контрреволюции. На востоке шли кровавые сражения с Колчаком. С севера на Петроград наступали белогвардейские войска Юденича. Панская Польша захватила часть Литвы и Белоруссии — земли до Березины и Западной Двины. С юга, ломая оборону наших войск, щедро вооруженный Антантой, наступал на Москву Деникин. 9 июля 1919 года Владимир Ильич Ленин от имени ЦК партии обратился к коммунистам страны с письмом, которое начиналось словами: «Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической

революции...»¹ Владимир Ильич не скрывал от народа суровой правды, но он верил, что молодая республика, мобилизовав все силы, выстоит и на этот раз — выстоит и победит. Письмо называлось «Все на борьбу с Деникиным!».

На юге Украины из частей 3-й Украинской армии и бывших партизанских отрядов формировалась 45-я регулярная дивизия Красной Армии. Командиром ее был назначен уже прославившийся в боях и походах Иона Эммануилович Якир.

Командовать 2-й стрелковой бригадой в этой дивизии было доверено Григорию Ивановичу Котовскому.

Огненные версты

Летом 1919 года дивизия, в состав которой входила бригада Котовского, занимала 300-километровый участок вдоль Днестра. Она вела непрерывные бои с петлюровцами, махновцами, кулацкими повстанцами. Но это были еще не самые тяжелые испытания. Все ближе к Москве с трех сторон продвигались полчища Деникина. Большие потери несла Красная Армия на южном направлении. Три дивизии Красной Армии, в том числе и 45-я, оказались в окружении. Они были объединены под командованием Якира в Южную группу, которая должна была оборонять юг Украины.

От тех тревожных дней сохранился интересный документ — приказ командующего Южной группой войск. Он мало был похож на распоряжение военачальника — в этом приказе само дыхание той страд-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 44.

ной поры. «Тяжелый, серьезный момент переживает рабоче-крестьянская Советская Украина,— говорилось в нем.— Ее, недавно освобожденную от цепей германского империализма, от помещичье-буржуазной гетманской диктатуры, снова рвут белые банды Деникина, Петлюры... Красной Армии, защитнице трудящихся масс, приходится выдерживать злобный натиск врагов, жаждущих нашей крови, нашего горя, нашего угнетения... Обращаясь к революционной совести каждого красного воина, Реввоенсовет требует от всех проявления сознательности исполнения возлагаемых на каждого обязанностей»¹.

Три недели продолжался героический поход Южной группы на север. Четыреста километров прошли дивизии, и каждый надо было отвоевывать в жарких сражениях.

«Без хлеба, без сна, с окровавленными босыми ногами безудержной волной, не знавшей преград, шли на соединение с северной Красной Армией. И мы пробились»,— вспоминал об этом походе Г. И. Котовский². Участник похода котовец Г. И. Лисицкий вспоминает, как освобождали Жмеринку: «...Громкие крики «Ура!», и навстречу — петлюровское «Слава, слава!»... Вот уже явственно мы различаем красные кистицы на шапках. Вот он, наш враг... Все ближе и ближе. Отдельные петлюровцы поворачивают обратно, другие, наоборот, соединяясь в группы, кричат «Слава!» и прут на нас. По цепям растет мощное «Ура!». Петлюровцы не выдерживают и пятятся назад. Первая цепь нами разбита. Мы останавливаемся, запыхавшиеся и усталые. Цепи заметно поредели.

---

¹ Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), ф. 335, оп. 1, д. 2, л. 4.

² ЦГАСА, ф. 1423, оп. 1, д. 66, л. 68.

Думаем: на этом, кажется, и конец... Но проходит 20 минут — петлюровцы снова открывают огонь и переходят в наступление. Снова рвутся снаряды в наших цепях... Делаем сверхчеловеческие усилия и переходим в контратаку. Снова бежим навстречу петлюровским цепям, и снова «ура» и «слава» переплетаются вместе, и гудит лес... То в одном, то в другом уголке леса вспыхивает рукопашная схватка. Свежие цепи петлюровцев волной напирают на нас...»

Страна высоко оценила и мужество, проявленное Южной группой, и результаты ее тяжелых боев в окружении: за три недели были разбиты большие силы противника, взято много трофейного оружия и пленных. 45-я и 58-я дивизии были награждены Почетными знаменами революции. И. Э. Якир и начальник 58-й дивизии И. Ф. Федько получили ордена Красного Знамени, Г. И. Котовский — золотые именные часы с надписью: «Красному герою. Реввоенсовет Южной группы 12-й армии».

Осенью 1919 года отборные части деникинской Добровольческой армии захватили почти всю Украину, Орел, Курск. Бои шли рядом с Москвой — у Тулы. Перед войсками Южной группы, только что вышедшей из окружения, командование Красной Армии поставило новую боевую задачу — наступлением на Киев отвлечь на себя как можно больше сил противника, облегчить разгром деникинцев на подступах к Москве.

Снова бои — жестокие и кровопролитные. Об одном из них — в ночь на 7 октября в районе местечка Новая Гребля — Григорий Иванович Котовский вспоминал: «Много сказочного, легендарного героизма было проявлено в эту ночь как отдельными героями, так и целиком обоими полками... На рассвете без артиллерийской подготовки два маленьких полчка

при поддержке спешенного эскадрона перешли в контрнаступление, бросившись на противника в штыки. Никогда до этого и после этого, во все время гражданской войны, мне не пришлось видеть такого жестокого боя, такой поистине смертельной схватки. Обойденные и отрезанные со стороны болотистой речки спешенными кавалеристами, занявшими единственный переход через нее у них в тылу — мостик, белогвардейские стрелки-офицеры, понимая, что спасения нет, дрались с психологией отчаяния и были уничтожены до одного человека...

Взошедшее утром солнце осветило жуткую картину места боя. Трупы лежали грудями, иногда группой в 4—6 человек, и видно было, как двое, схватившись в последней смертельной схватке, еще не убив друг друга, были пронзены штыками своих врагов, а те, в свою очередь, были убиты другими. Так и лежала группа, навалившись друг на друга...»¹

Героизм, проявленный в этом бою, Котовский называет примером «высшего революционного мужества и самопожертвования».

С огромными потерями белогвардейцы отступали за реку Здвиж, открыв красноармейцам путь на Киев. Потом был кратковременный отдых в Рославле, на Смоленщине. Собственно, отдыха как такового не было. Отдыхали от боев. Но невероятно трудно было с питанием, кормом для лошадей.

Приводимые ниже документы ярко рисуют обстановку тех дней. Сохранились записи разговоров Котовского по прямому проводу с начальником 45-й дивизии, с начальником штаба дивизии. Командир бригады доносит: «Тиф ежедневно вырывает из рядов нашей бригады все новые и новые жертвы, необ-

¹ Г. И. Котовский. Документы и материалы, с. 112—113.

ходима серьезная и безотлагательная помощь», «Начался систематический падеж дорогих кавалерийских и артиллерийских лошадей», «Жду еще хлеб от вас, соль, табак, а главное — обмундирование...», «Положение безвыходное, и, если дивизия не примет срочных мер, мы станем перед катастрофой»¹.

Преодолевая трудности, бригада обучала пополнение. Впереди у нее были еще более ответственные задачи. 2 ноября 1919 года Котовский, в соответствии с распоряжением начдива, издает приказ: «Нашей 45-й дивизии... приказано высшим командованием республики помочь петроградским рабочим. Великая честь выпала на нашу долю: нам дана возможность сражаться на величайшем и почетнейшем фронте защиты Петрограда, и мы с честью выполним боевую задачу... *Красный Петроград вечно будет красным советским городом!* Юденича и его белую банду сотрем с лица земли...»²

Бригада спешно садилась в теплушки. Поскольку на дворе стоял жестокий мороз, а обмундирования у котовцев не хватало, отправка на вокзал выглядела необычно. Командир 400-го стрелкового полка И. Н. Колесников рассказывал: «Проделана была эта операция таким образом: раздели весь полк и собранной обувью и шинелями одели и обули 1-й батальон (на батальон только и хватило) и отправили его на станцию в вагоны, предварительно натопленные; в вагонах батальон был раздет, а одежда и обувь — отправлены на подводах обратно в бараки; затем был одет и доставлен 2-й батальон и т. д.»

---

¹ Г. И. Котовский. Документы и материалы, с. 119, 121, 125.

² Там же, с. 129, 130.

В середине ноября 1919 года дивизия была брошена снова на юг — на разгром Деникина. Вскоре на фронте произошел коренной перелом в пользу Красной Армии. В результате нашего контрнаступления белогвардейцы стремительно откатывались к границе. Чтобы добить их, создавались крупные кавалерийские соединения, мобильные и грозные. Одно из них — кавалерийская бригада — в январе 1920 года сформировалась в составе 45-й дивизии. Командовать конниками был назначен Григорий Иванович Котовский.

Счет огненным верстам на этот раз начался у села Лозоватка, откуда бригада, преследуя деникинцев, взяла курс на Новый Буг. Через пять дней, 30 января 1920 года, они были в Вознесенске, еще через несколько дней, не потеряв ни одного бойца, далеко оторвавшись от других частей дивизии, освобождают Березовку. До белокаменной Одессы оставалось рукой подать...

Н. Н. Криворучко, в те дни командир эскадрона в бригаде Котовского, рассказывая об освобождении Одессы зимой 1920 года, вспоминает: «Я помню, как... в 40 верстах от Одессы мы заскочили на почту-телеграф и потребовали от начальника почты дать нам ленту с разговорами белых штабов в Раздельной и Одессе. Пока мы разбирали ленту, внезапно раздался стук телеграфного ключа. Котовский приказывает нашему телеграфисту сесть за аппарат. Оказывается, Раздельная вызывает Одессу. Наш телеграфист отвечает: «Я — Одесса». Раздельная просит начальника гарнизона гор. Одессы. Котовский приказывает немедленно телеграфисту:

— У аппарата начальник гарнизона.

Телеграфист передает... Завязывается интересный разговор. Из Раздельной мнимому начальнику гарни-

зона Одессы белогвардеец генерал Шевченко передает:

«Принимайте точную оперативную сводку. Красная 41-я дивизия (этой дивизии в оперативное подчинение тогда была передана кавбригада Котовского.— В. К.) южнее Березовки, 45-я дивизия севернее Березовки, а конная армия Котовского в самой Березовке. Прошу выставить сильную охрану со стороны станции Сортировочная, а также организовать оборону Пересыпи. Все. Генерал Шевченко».

Котовский отвечает:

— Телеграмму принял Котовский.

Генерал Шевченко начинает ругаться:

— Кто там, черт возьми, мешает разговаривать?

— Успокойтесь, ваше превосходительство, поберегите ваши нервы,— успокаивает генерала Котовский.— Вашу сводку действительно принял сам Котовский.

...Разговор прекращается. Сообщение между Раздельной и Одессой прерывается. Мы выходим из здания почты-телеграфа, поднимаем бригаду и идем на Одессу».

7 февраля бригада, 650 сабель, сыграла решающую роль в освобождении Одессы, где находились 25 тысяч белогвардейцев. Это был невероятный успех — подвиг беззаветной храбрости, революционного духа, пламенной веры в правоту дела. Успех, конечно же, был обусловлен и военным талантом комбрига, точно рассчитавшего весь ход отчаянной и дерзкой операции.

С боями бригада прошла вдоль Днестра на север. «Вчера, 10 [февраля], выступив с кавбригадой из Маяки,— писал Котовский в одном из донесений начальнику 41-й дивизии,— в течение целого дня выбивал и обезоруживал противника, засевшего в плавнях,

так как румыны их в этом районе не пропускают. Ночевал в с. Граденице. Сегодня утром выступил из Граденицы через Каноши, Кандель и Зальц, где встретил конную разведку противника. Противника оказалось более 1500 сабель и 500—600 пехоты, при двух батареях и пяти бронепоездах на ст. Кучурган. Стремительной кавалерийской атакой противник был выбит из колоний Баден и Страсбург, из которых в полнейшей панике бежал в направлении Ново-Савицкий — Тирасполь, бросив орудие, пулеметы и много обоза. Бронепоезда противника все время обстреливали нас ураганным огнем из всех орудий. Завтра двигаюсь на Тирасполь»¹.

В Тирасполь красные конники вошли 12 февраля.

Котовцы, двинувшись на юго-запад в 20-х числах января, за эти дни прошли с боями сотни километров. Они захватили в плен 10 тысяч солдат противника, 1100 офицеров, 6 генералов (в том числе и генерала Шевченко — того самого, с кем Котовский имел честь беседовать по телеграфу накануне броска на Одессу), 23 бронепоезда, много другой военной техники. Среди военных трофеев был и конь попавшего к котовцам в плен полковника Мамонтова — Орлик, который очень скоро привык к своему новому хозяину — командиру кавбригады Котовскому.

За отличия в боях, умелое руководство бригадой Г. И. Котовский был награжден орденом Красного Знамени.

А трубач уже трубил новый поход. На этот раз — на белополяков.

Весной 1920 года без объявлений войны панская Польша, поддержанная в Крыму остатками деникинцев под командованием барона Врангеля, одетая, обу-

---

¹ Г. И. Котовский. Документы и материалы, с. 167—168.

тая и вооруженная странами Антанты, нарушила границу молодой Советской республики и повела стремительное наступление на киевском и одесском направлениях. На первых порах превосходящим силам белополяков сопутствовал успех. Наша 12-я и 14-я армии отступали. Противник на киевском направлении перешел Днепр и наступал вдоль реки на Екатеринослав. Вторая группировка белополяков сосредоточилась от Жмеринки на юг — по берегу Южного Буга. Заодно с белополяками действовали петлюровские части, многочисленные банды.

Трудным был этот поход. Ожесточенными были бои под Ольшанкой, Белой Церковью, Гребенкой, Казатином, Любарями... В апреле 1920 года, в разгар боев с белополяками Григорий Иванович был принят в ряды Коммунистической партии.

Война после войны

---

12 октября 1920 года с Польшей был подписан договор о перемирии.

Кавбригада обнажает сабли против банд Петлюры.

Скупые строки сохранившихся с той поры документов лаконично и выразительно рассказывают об этом очередном победоносном походе красных конников.

Приказ командующего 14-й армии: «Реввоенсовет фронта благодарит части XIV армии за доблестные действия против петлюровских банд, отмечая особенно героические подвиги и боевую удачу кавбригады т. Котовского...»

Приказ начальника 45-й дивизии: «Кавбригада... т. Котовского вновь проделала баснословный акт и

вновь внесла в свою прекрасную историю героическую страницу; в ночь с 17 на 18 ноября кавбригада после двух упорных боев взяла серьезный стратегический пункт и базу белогвардейской сволочи — г. Проскуров, нарушив связь и планы белых... 45-я дивизия, всегда с восторгом смотревшая на свое детище, от лица службы благодарит комбрига кавалерийской т. Котовского, отважно ведущего на огромные победы свою маленькую, состоящую из железных бойцов, бригаду»¹.

Оперативная сводка штаба 45-й дивизии за 22 ноября: «Кавбригада Котовского, ведшая вчера с противником бой... в 18 часов ворвалась в м. Волочиск. Последние 5 верст к Збручу кавбригада рысью и галопом прошла под ураганным пулеметным и артиллерийским огнем противника... Наша кавалерия, появившаяся в спешенном строю у переправ, внося в ряды противника сильнейшую панику, буквально вырвала из рук врага оставшееся непереправленным имущество. Наши трофеи: 2 бронепоезда, 8 орудий, более 120 пулеметов; три эшелона с паровозами, масса снарядов, винтовок, громадный обоз, масса пленных...»

Об успехах Котовского в боях против петлюровцев можно судить и по красноречивому свидетельству врагов. Врангелевский генерал Перемыкин плакался Борису Савинкову: «Итак, мое мнение — дело наше проиграно безнадежно. Проклятая петлюровская рвань драпает почем зря, не принимая ни одного боя. Котовский донимает нас по-прежнему; этот каторжник буквально вездесущ. Правда, командир киевской дивизии генерал Тютюнник недавно хвастал, будто пощипал Котовского под Дубровкой, но я думаю, что

---

¹ Г. И. Котовский. Документы и материалы, с. 252, 255.

этот желто-блакитный выскочка и бандит по обыкновению врет и дело обстояло как раз наоборот. В общем, плохо, господин Савинков, очень плохо»¹.

За успешные бои против петлюровцев кавалерийская бригада Котовского получила высшую награду страны — Почетное Революционное Красное Знамя, а командир бригады — второй орден Красного Знамени.

Отгремели последние сражения гражданской войны. Страна, разоренная, изголодавшаяся, торопилась начать созидательную работу. Но еще многие хотели помешать ей. И еще не одна огненная верста предстоит легендарному Котовскому.

В конце 1920 года в Уманском уезде появилось несколько крупных банд. Командарм Уборевич послал на их уничтожение кавбригаду Котовского. Для выполнения этого задания конникам понадобилось только три дня.

На очереди был «батька» Махно. Этот бандит собрал под свои черные знамена самый оголтелый, люто ненавидевший Советскую власть сброд анархистов, эсеров, кулаков, уголовников, служили здесь и обманутые махновской пропагандой середняки и бедные крестьяне. Уже более трех лет гулял «батька» по степям Украины, оставляя после себя кровавый след.

Борьбу с бандитизмом на Украине возглавил выдающийся полководец гражданской войны Михаил Васильевич Фрунзе. Среди тех, кто блестяще исполнил разработанный Фрунзе план разгрома махновщины, был и Григорий Иванович Котовский — к этому времени уже командовавший кавалерийской дивизией.

Потом были эсер Антонов на Тамбовщине, его са-

---

¹ Г. И. Котовский. Документы и материалы, с. 257, 258, 145.

мый хитрый и коварный соратник Матюхин, потом — опять Тютюнник...

Посмотрим на карту европейской части страны, проследим по ней путь героев. От знойных причерноморских степей он пролег на север, к Киеву, от днепровских порогов — на юго-запад, к Одессе, потом — снова на север, до Тирасполя, оттуда — опять под Киев, от Киева — до Львова, из-под Львова — к Хмельницкому (бывший Проскуров), потом — Умань, Тамбовщина, снова Украина... Многие сотни километров пробежали под копытами боевых коней! И какой же это был трудный и опасный путь, скольких храбров недосчитала кавалерийская бригада... Вместе с тем это был славный путь — не было у кавбригады врага, который бы не дрогнул перед ее революционным духом, помноженным на талант командира!

На огненных верстах котовцев можно насчитать много удивительного, поистине героического, легендарного...

Это произошло осенью 1919 года у деревни Новая Гребля. Котовцам противостоял батальон, насчитывавший до 800 белогвардейских офицеров, вооруженных не только пулеметами, а и артиллерией. На малейшие попытки подняться в атаку вражеские окопы мгновенно отвечали свинцовым шквалом.

Нужно было хорошо подготовиться к бою, а для этого требовалось разведать вражескую оборону. Котовский поручил это своему любимцу — командиру кавдивизиона Няге. Через час конные разведчики усакали в темноту.

Разъезд, который возглавил Л. Х. Воронянский, въехал в село и тут неожиданно был окружен со всех сторон вражескими солдатами.

— Кто такие? — подъехал к Воронянскому белогвардейский офицер.

Командир разезда уверенно представился: он и его товарищи — деникинский отряд, разыскивающий свою часть. Когда же офицер наконец разглядел на Воронянском красноармейскую форму и уже готов был поднять тревогу, он вдруг ощутил у виска холодную сталь пистолета.

— Ни слова! — скомандовал Воронянский. — И — за мной!

Поручик сообщил Котовскому ценные сведения.

...В феврале 1920 года у Березовки котовцы под вечер ворвались в один из населенных пунктов. Их неожиданное появление так напугало деникинских солдат, что те сдались, не сделав ни одного выстрела.

Котовский вместе с несколькими красными командирами вошел в избу, где, как ему рассказали, расположился вражеский штаб. В избе шло веселье: ничего не подозревавшие офицеры обрадовались прибытию незнакомых, но, судя по внешнему виду, очень важных военных. Спросили:

— Вы из Одессы?

— Нет, на Одессу, — ответил Котовский, и вошедшие направили на офицеров маузеры.

...К Одессе подошли на рассвете 7 февраля. Накануне Котовский, планируя боевые действия, приказал переодеть всю бригаду в форму деникинцев. Это помогло им бесшумно миновать охраняемую врагом заставу и быстро втянуться в город. Здесь им то и дело стали попадаться офицеры, спешившие удрать из города. Котовцы, выдавая себя за мамонтовцев, охотно брали их в свои тачанки. Бригада торопилась пройти город, чтобы на станции не дать уйти деникинским эшелонам.

Первый эшелон уже пробежал по стальным путям несколько метров, когда красные конники ворвались на станцию. Котовский приказал артиллеристам дать

залп по паровозу, и тот застыл на месте. А деникинские офицеры только теперь сообразили, что они добровольно сдались в плен.

...Котовскому доложили (дело было в конце апреля 1920 года): в селе Антоновка расположилась большая банда петлюровцев. Но как выловить бандитов, не нанеся ущерба мирным крестьянам? И комбриг решается на такую хитрость. Среди бела дня в центре села вдруг объявились несколько бродячих артистов. Они устроили маленькое представление: стали хором исполнять националистические петлюровские гимны. Растроганные бандиты вышли из хат, составили вокруг певцов большой круг. Концерт продолжался до тех пор, пока над головами не прозвучала команда:

— Сложить оружие! Вы окружены!

«Певцы» из-под свиток выхватили пистолеты. Вокруг площади тесным строем стояла красная конница.

Яркое место среди героических дел Котовского занимает его операция по ликвидации на Тамбовщине банды Матюхина.

...Уже рассыпалась под ударами Красной Армии армия эсера Антонова. Но по лесам и оврагам Тамбовщины все еще прятались бандиты. Особой хитростью и жестокостью славился бывший фельдфебель царской армии атаман Матюхин, занявший большой лесной район недалеко от губернского города, откуда он и организовывал свои бандитские вылазки.

Однажды Котовского, бригада которого после недавних боев отдыхала в селе Медном, вызвали в Инжавино, где располагался штаб начальника боевого участка. Командующий войсками по разгрому антоновщины М. Н. Тухачевский поставил перед ним задачу покончить с Матюхиным.

План разгрома банды Матюхина разрабатывался очень тщательно. К исполнению операции решили привлечь бывшего начальника антоновского штаба Эктова¹. Его привезли в расположение штаба кавбригады и держали под усиленной охраной. Тайну кроме Котовского знали еще только два-три командира. В результате бесед с Эктовым у Котовского возник смелый план.

Через несколько дней по тревоге поднятые среди ночи котовцы ушли из Медного в неизвестном направлении. На рассвете остановились на широкой лесной поляне. Здесь всем красноармейцам было приказано переодеться в белоказацкие шаровары, гимнастерки с погонами... Котовский объяснил им:

— Мы — кубано-донской повстанческий отряд, который под моим, атамана Фролова, командованием идет на соединение с армией Антонова. Совместно мы организуем поход на Москву.

Красноармейцы охотно включились в опасную игру...

---

¹ Еще в мае 1921 года в штаб Антонова пробрался чекист Евдоким Муравьев. Бандиты поверили и безукоризненным фальшивым документам «представителя от ЦК партии эсеров», и ему самому, мастерски сыгравшему опасную роль. Муравьев сдделал большое дело, порученное ему самим Дзержинским: он убедил Антонова, что в Москве собирается съезд эсеров, на котором обязательно надо быть представителям штаба мятежников.

На съезд в Москау Антонов командировал троих делегатов, в их числе были Эктов и представитель губернского «Союза трудового крестьянства» Ишин. Чекисты и в самом деле провели инсценированный эсеровский съезд, а в заключение его антоновских делегатов, окончательно поверивших, что они — среди своих, отвезли в ЧК. Здесь им предложили на выбор — или умереть как бандитам, или искупить свою вину перед народом помощью в разгроме антоновщины.

Эктов предпочел второе.

По губернии не без помощи самих котовцев стали распространяться слухи о приближении отряда Фролова, а в середине июля «фроловцы», набожно перекрестившись на церковь, въехали в кулацкое село Кобылинку, которое находилось в четырех километрах от леса, где сидела банда Матюхина.

Котовцы настолько хорошо вошли в новую роль, что никто из местных жителей не заподозрил подвоха. Однако Матюхин, которому передали приглашение встретиться (под ним стояла подлинная подпись хорошо знакомого Матюхину Эктова), чтобы обсудить детали похода на Москву, не соглашался выходить из леса, ставил невыполнимые условия. Тогда ему послали еще одно письмо, в котором обвиняли атамана в трусости. Это послание взялись доставить комиссар второго кавалерийского полка А. Захаров и командир взвода Д. Симонов.

В ожидании возвращения товарищей котовцы знакомили прибывших от Матюхина трех визитеров с жизнью «повстанческого отряда». Сам Григорий Иванович об этом рассказывал так:

«От осмотра бандиты пришли в удивление и восторг. Они возбужденно и с некоторой завистью говорили, что все наши бойцы по своей выправке, молодцеватости и геройскому виду больше похожи на офицеров, чем на солдат. После этого осмотра мы вернулись в штаб моей кавбригады. На столе за это время появился самогон, жареные куры и баранина. У бандитов от самогона развязались языки, и они стали хвастаться о том, как расправляются антоновцы с красными. Захлебываясь от пьяного восторга и наслаждения, они говорили, что пленных красноармейцев... они не рубят и не расстреливают, а выкручивают им головы. Они хвалились тем, что их командир Иван Матюхин славится своей свирепостью, что у

них нет пощады и что каждого красноармейца у них ждет мучительная смерть... Не раз бывшие с нами мои командиры брались за шашку, чтобы отрубить бандитские головы...

Уже 12 часов ночи, а наши посланцы еще не вернулись из своей опасной поездки. Начинаю беспокоиться и думаю о том, что их могли разоблачить...

Беспокоюсь и за выдержку своих отдельных бойцов. За каждым из бойцов зорко наблюдают находящиеся в доме бандиты, каждого из них изучают, и нужно быть очень осторожным и выдержанным, чтобы каким-нибудь случайным словом не выдать себя. Но все бойцы как один держат себя в руках. Нет слова «товарищ», есть слово «станичник», нет проклятий бандитам, есть «проклятия» советам, нет ни одного движения и взгляда, который мог бы не только разоблачить, но даже заподозрить красного бойца»¹.

Матюхин согласился увидеться с атаманом, но тот должен был с Эктовым и четверьмя всадниками встретить его у развилки дорог, куда сам Матюхин приедет со всем штабом и 450 всадниками.

Риск, конечно, был велик, но другого выхода не было. Котовский так разыграл радость встречи, что атаман бандитов поверил всему. В доме мельника — матерого кулака, который не поскупился выставить вдоволь и самогонки и закуски, состоялось совещание.

Григорий Иванович предусмотрел все — как рассадить дорогих гостей, какие и как часто произносить тосты, где безусловно с Матюхиным соглашаться, а в чем и поспорить... Затем перешли к практическим вопросам.

---

¹ Г. И. Котовский. Документы и материалы, с. 397.

Неожиданно «Фролов», взмахнув левой рукой (условный знак!), выхватил наган и, направив его прямо на Матюхина, крикнул:

— Хватит ломать комедию! Расстрелять эту сволочь!

Через несколько минут со штабом и бандой Матюхина было кончено. Матюхин спасся — наган Котовского трижды дал осечку. Легкораненый бандит выскочил в окно и убежал в лес. Только через месяц он будет убит в перестрелке с чекистами.

В перестрелке тяжело был ранен — в правую руку — и сам Котовский.

Не всегда путь Котовского устилали лавры побед. Были и дни горьких неудач — поражений, измен, всевозможных неожиданностей, которыми так полна любая война.

...Дело было накануне Южного похода. 45-я дивизия у Жмеринки внезапно подверглась нападению крупных петлюровских частей, с тыла наши части были атакованы двумя крупными бандами. Враг захватил часть железной дороги, прервав тем самым сообщение между Киевом и Одессой.

Первая бригада дивизии, отступив, поставила под угрозу один из флангов второй стрелковой бригады, которой командовал Котовский. Несмотря на это, комбриг предпринял контратаку, сломил петлюровцев и уже стал было развивать наступление, как случилось непредвиденное. Ночью петлюровцы совершили налет на местечко Джуриин и уничтожили почти весь так называемый матросский полк Стародуба. Полк этот, сформированный в основном из деклассированных элементов Одессы, и раньше не внушал Котовскому большого доверия: лихие ребята, любившие прихвастнуть понавешенным кстати и

некстати оружием, не отличались дисциплинированностью, склонны были к анархическим выходкам. На этот раз полк, остановившись на ночлег, устроил попойку, что и обернулось трагедией. Оставшиеся в живых бойцы матросского полка в панике бежали, а вслед за ними, ломая линию наших войск, устремились части противника. Котовскому стоило больших усилий — он бросил в бой даже штабную команду — остановить врага.

Не оправдал надежд и полк, которым Одесский ревком доверил командовать знаменитому в Одессе «королю» воров и налетчиков Мишке Япончику. На митинге в Бирзуле, посвященном прибытию полка в состав 45-й дивизии, Япончик ораторствовал: «Мы были воры и налетчики, но то было при царизме, а при Советской власти мы должны стать передовыми бойцами!» Полку дали участок обороны, который «передовые бойцы» спокойно покинули однажды ночью, заявив, что им больше подошла бы караульная служба в Одессе.

В прорыв ворвались петлюровские части, и дивизия, чтобы собрать силы для ликвидации этого прорыва, вынуждена была отступить.

В это время из штаба армии пришла шифровка, в которой говорилось о том, как надо поступить с изменниками. Полк во главе с «королем» погрузили в теплушки — якобы и в самом деле удовлетворяли его требование отправить в Одессу. Но пошли эшелоны кружным путем. Первый из них в Вознесенске приняли на запасный путь. Возмущенного Мишку Япончика, вышедшего из вагона в окружении небольшой «свиты», встретили комендант станции и чекисты. Комендант объяснил: за измену Родине он объявляется вне закона и приговаривается к расстрелу.

16 июля 1920 года Котовский был тяжело контужен и больше месяца провел в госпитале.

Котовский, несомненно, был талантливый командиром. Не получив специального военного образования, он быстро на практике постиг все тайны управления войсками в условиях гражданской войны.

По свидетельству современников, назначение Котовского в июле 1919 года командиром стрелковой бригады некоторыми военачальниками Красной Армии было воспринято скептически: сможет ли руководить целой бригадой, согласится ли с требованиями железной воинской дисциплины? Теперь эти сомнения кажутся странными — мы знаем, как воевал герой гражданской войны Григорий Иванович Котовский. А в те дни они были понятны. У республики тогда каждая стрелковая бригада была на счету.

Прекрасную аттестацию Котовскому дали люди, хорошо знавшие его по революционной практической работе, — секретарь Одесского обкома партии Ян Гамарник, начальник особого отдела 45-й дивизии Григорий Старый (Борисов), десятки других хорошо проверенных партией людей. И Григорий Иванович оправдал их доверие.

Победы Котовского были блестящими, а порой, с точки зрения традиционной военной науки, столь неожиданными, что они ставили в тупик даже маститых стратегов.

Крупнейший военный теоретик профессор А. А. Свечин на занятии в Академии имени Фрунзе, когда один из бывших котовцев рассказал о походе кавбригады от Днепра до Одессы и Тирасполя, сделал такое заявление:

— Я знал генералов Самсонова, Стесселя, Шевченко — все они были моими учениками. Это опыт-

ные боевые генералы, знающие военное искусство и лишенные трусости. И вот эти люди сдают Котовскому, в бригаде которого — лишь семьсот сабель, шесть тысяч пленными, четырнадцать бронепоездов, много артиллерии и пулеметов. Перед Котовским был противник, обладавший двадцатикратным численным превосходством. Непостижимо, как можно было добиться такого успеха при таком соотношении сил¹.

Такова природа таланта: он поднимается над общеизвестным, и то, что для всех долгое время является пределом, потолком, для него — лишь ступенька для движения вперед.

Побеждать Котовскому помогал, конечно, не один «дар божий». Талант приумножался его идейной убежденностью — преданностью революции, народу, ненавистью к старому миру.

Был в 1920 году такой как будто малозначительный эпизод. В марте кавалерийская бригада, только что победоносно завершившая Одесскую операцию, расквартировалась в Ананьевском уезде. Недолго длился отдых красных конников, скоро последовал приказ выступить в район Жмеринки, где снова появились банды Тютюнника. Но в это время в самом Ананьевском уезде действовало немало банд, и уход бригады, конечно, в значительной степени развязывал им руки. Комбриг Котовский пишет в Реввоенсовет 14-й армии: «...три красноармейца убиты и брошены на съедение собакам, двое избиты до полусмерти. Я бессилен что-либо предпринять в силу приказа о погрузке и движении на Жмеринку... Колоссальная работа кулаков и рассеявшихся в уезде белых грозит в самом недалеком будущем создать из

---

¹ См.: Полководцы гражданской войны. М., 1960, с. 182.

Ананьевского уезда очаг крестьянских восстаний и новый внутренний фронт... Оставление уезда, кишящего бандитами и настроенного враждебно против Советской власти, без всякой регулярной воинской части, что дает возможность разрушения последствий побед Красной Армии, считаю преступлением перед революцией и издевательством над теми жертвами, которые принесены... Ходатайствую о немедленной присылке сюда других воинских частей. Считаю своим долгом перед революцией самым категорическим образом подчеркнуть и указать вышеизложенные факты»¹.

Идейный ориентир, как видим, помогал Котовскому принимать правильные решения не только на полях сражений; он не позволял сбиться с правильного пути в сложной политической обстановке, не позволял оставаться в стороне от острых событий.

Так формировался и рос герой гражданской войны Григорий Котовский, сын механика из Ганчешты. На его боевом пути встречались видные военачальники, знакомство с которыми, а в некоторых случаях и большая дружба с ними, несомненно, значили многое. Военные дороги сводили Котовского с легендарными командирами Первой конной армии С. М. Буденным и К. Е. Ворошиловым. Дружба связывала комбрига с выдающимся полководцем гражданской войны М. В. Фрунзе. Непосредственными командирами Котовского были такие замечательные военачальники, как М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров, И. П. Уборевич.

Большую часть своего боевого пути Котовский прошел в составе 45-й стрелковой дивизии, которой командовал И. Э. Якир. Впервые они встретились в

---

¹ Г. И. Котовский. Документы и материалы, с. 182.

Кишиневе вскоре после октябрьских событий 1917 года. Вместе боролись за установление Советской власти в Молдавии. Большевик с 1917 года, Якир в декабре этого года был избран членом Кишиневского Совета. Котовский помогал ему формировать красногвардейские отряды для отпора румынским оккупантам.

Близок Котовскому был и начальник штаба 45-й дивизии Илья Иванович Гарькавый.

Крупные военачальники высоко ценили талант Григория Ивановича. Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский отмечал: «Выдающийся кавалерист. Строгий, решительный, смелый, сообразительный. Словом, имеет все качества блестящего кавалерийского начальника». И. Э. Якир отмечал: «Большой природный ум, огромная любовь к военному делу, обладает железной волей. Лично невероятно храбр...» А вот что писал Климент Ефремович Ворошилов: «В годы гражданской войны, в непрерывных боях с врагами рабочих и крестьян, бригада Котовского покрыла себя подлинной славой беззаветного героизма, отваги, железной большевистской организованности и дисциплины. Острые сабли и меткие пули котовцев без промаха разили врагов пролетарской революции»¹.

Талант Котовского смог ярко раскрыться еще и благодаря тому, что его приказы выполняли замечательные люди — воспитанные им, влюбленные в своего командира, бесстрашные, лихие котовцы. Под стать своему командиру были Илларион Няга, Иван Колесников, Иван Макаренко. Один из участников Хотинского восстания И. Няга пришел в стрелковую бригаду Котовского в начале июля 1919 года, вместе

¹ См.: Новозатский М. Путь в легенду. Очерк жизни Г. И. Котовского, с. 581, 578.

с первым Бессарабским кавполком, которым он к этому времени командовал. Самые трудные задачи конники Няги выполняли с блеском.

Под Новой Греблей, увлекшись атакой, дивизион форсировал Здвиж и вскоре оказался в глубоком тылу деникинцев. Навстречу им шла кавалерийская часть генерала Шкуро — это был свежий резерв противника. Красные конники, несмотря на явное превосходство врага в силах и вооружении (у деникинцев были даже тяжелые орудия), смело ринулись в бой и вышли из него победителями. Дивизион в этом бою взял много пленных, захватил пушки, 10 тысяч снарядов, 24 повозки с обмундированием, 2 тысячи винтовок, 17 пулеметов, 16 ящиков ручных гранат, много лошадей.

Командирской смелости, выдержке, находчивости в бою учились рядовые конники полка. Однажды у местечка Жванчик произошел такой случай. Л. Воронянский и К. Шинкаренко, посланные в разведку, при въезде в одну маленькую деревеньку были окружены бандитами (накануне в деревне произошел кулацкий мятеж).

— Куда путь держите? — спрашивают их мятежники.

Находчивые котовцы не растерялись. Шинкаренко вытащил из-за пазухи взятый у убитого казачьего офицера документ, удостоверяющий личность, и, протянув его бандиту, сказал:

— Посланы Петлюрой специально для связи с вами. Оставляю вам своего товарища, а сам через несколько минут буду здесь с казаками.

Шинкаренко отпустили, и он галопом помчался в штаб Няги. Операцию возглавил сам командир полка. Появившись во взбунтовавшейся деревне во главе дивизиона, он, выдавая себя за петлюровского офи-

цера, приказал восставшим присоединиться к его отряду. В пути Няга подал условный знак, и котовцы вмиг обезоружили всю банду.

Илларион Няга умер от ран в марте 1921 года.

Командиром одного из стрелковых полков бригады Котовского был Иван Наумович Колесников. О его преданности делу революции можно судить по такому красноречивому эпизоду. Летом 1919 года по югу страны, задыхавшейся в тисках интервенции и контрреволюции, прокатилась волна кулацких восстаний. Восстало и родное село Колесникова — Плоское. Котовский послал на усмирение кулаков 400-й полк Колесникова. Тот окружил село, потребовал сложить оружие. Но повстанцы, узнав, кто командует полком, засели в его доме, а семью командира заперли под замок. Но это не спасло мятежников: Колесников приказал открыть по штабу восставших артиллерийский огонь...

Глубокие чувства воинского братства питал Григорий Иванович к командиру второго кавполка Ивану Никитичу Макаренко. Как и многим другим боевым друзьям Котовского, ему не довелось дожить до конца гражданской войны. Геройски погиб он в бою с белополяками у села Ольшанка — в критическую минуту боя, воодушевляя полк, ворвался в самую гущу вражеских кавалеристов, и не один пилсудчик, сраженный твердой рукой красного командира, остался лежать в чужой для него земле. В этом бою был смертельно ранен и сам котовец.

Зимой 1920 года в боях у Днестра, когда кавбригада добивала остатки деникинских войск, бежавших из-под Одессы, погиб комиссар второго кавполка В. Христофоров — профессиональный революционер, большевик. Талант комиссара со всей силой проявился во время службы в кавбригаде Котовского.

Он был душой полка, к нему тянулся и стар и млад. Любили комиссара не только за справедливое, горячее, мудрое слово — во время самых отчаянных боев его всегда видели в первых рядах конников.

Котовцем называл себя и писатель Николай Островский. Сохранились его воспоминания об этих днях, где он, в частности, рассказывал: «Когда наша 44-я стрелковая дивизия Щорса с бригадой Котовского... разгромила петлюровцев и освободила Житомир, я много наслушался от бойцов о легендарном Котовском, пошел к нему в конную разведку. Нравилась мне разведка. Меня, как комсомольца, сделали политбойцом, чтецом, гармонистом. Был даже учителем по ликвидации неграмотности... После выздоровления (от тифа) догнал Котовского, когда он в январе 1920 года формировал кавалерийскую бригаду. Стал проситься в конницу, а в штабе настояли, чтобы пошел в стрелковый полк. Пришлось идти к самому Котовскому. Тот выслушал и сказал:

— Берем! Весели моих ребят. Пусть тебе только хорошую гармонию достанут. Пойдешь в полк Макаренко...

После мы на Одессу пошли... Под Вознесенском меня немного ранило, поэтому в Одессе не пришлось побывать. Возвратился в полк тогда, когда он бился с белополяками».

После гибели Макаренко командовать вторым кавполком стал Николай Николаевич Криворучко. Это был человек удивительной храбрости и беспредельной преданности революционному делу.

Вот только один из боевых эпизодов, где проявились эти его замечательные качества. Дело было зимой 1920 года, вскоре после освобождения Одессы и Тирасполя. В плен к Котовскому попало несколько высших деникинских чинов, среди них генерал Шев-

ченко. Комбриг предложил пленным обратиться к войскам полковника Стесселя, засевшим в днестровских плавнях, с призывом не проливать зря кровь, сдаться в плен и тем самым спасти себя. Шевченко написал обращение, но кто же отвезет его в покрытые камышом плавни?

Котовский поручает эту опасную миссию Н. Криворучко. На рассвете 18 февраля в сопровождении эскадрона красных конников тот отправился в плавни. Кроме письма Шевченко он вез ультиматум, написанный Котовским. Комбриг обещал всем сохранить жизнь, если группировка добровольно сдастся в плен; в противном случае красная конница начнет бой на уничтожение.

Полковника Стесселя в штабе не оказалось (он был в то время на правом берегу Днестра, упрашивал румынские власти разрешить его войску укрыться в их стране).

Перед Криворучко сидели серые от усталости и разочарования люди. Даже офицеры смотрели равнодушно и, как видно, уже смирились с неотвратимостью гибели в этом грязном болоте. Командир эскадрона в ожидании Стесселя начал рассказывать им о Красной Армии, о том, что она — революционная армия народа — вовсе не собирается мстить обманутым белогвардейской пропагандой людям. Об этом и пишет Котовский в своем ультиматуме их полковнику.

Стессель, которому передали о прибытии парламентарера, не спешил возвращаться в штаб. Криворучко предупредил, что через пятнадцать минут он уйдет. Это ускорило события. Стессель послал для предварительных переговоров с красным командиром одного из младших офицеров. И надо же случиться такому: в подошедшем штабс-ротмистре Криворучко

узнал своего фронтового товарища, с которым вместе служили еще при царе-батюшке. Друзья кинулись в объятия друг другу.

— Пошли к полковнику Самсонову — не забыл нашего командира полка? — радовался встрече штабс-ротмистр.

Самсонов, не дожидаясь решения Стесселя, первым отстегнул шашку. Его примеру с радостью последовали солдаты, и вскоре посреди камышей возвышалась гора оружия.

Николай Николаевич Криворучко оказался одним из самых талантливых воспитанников Котовского. Став комдивом, Григорий Иванович рекомендовал его на должность командира бригады, а получив назначение командовать корпусом, доверил командование дивизией. В 1925 году, после трагической гибели Котовского, Криворучко заменит его на посту командира 2-го кавалерийского корпуса имени СНК УССР.

Многие в ту пору молодые кавалеристы, учившиеся воевать в бригаде Котовского, стали видными военачальниками. Н. Ф. Лебеденко в бригаде Котовского командовал взводом, гражданскую войну закончил с двумя орденами Красного Знамени. В 1941 году дивизия, которой командовал генерал Лебеденко, насмерть стояла под Москвой. Потом дивизия Героя Советского Союза Лебеденко защищала Сталинград, его корпус освобождал Украину, Молдавию, Польшу, дошел до Германии. В память о славном котовце его имя носит небольшое молдавское село у Прута.

Героем Советского Союза стал в годы Великой Отечественной войны котовец генерал-лейтенант Н. С. Осликовский. Мужественно воевали, защищая страну от фашистов, воспитанники Котовского гене-

рал-лейтенант М. С. Петренко, генерал-полковник Герой Советского Союза И. А. Кузовков, генерал армии А. И. Радзиевский.

Достойное место среди котовцев заняла и Ольга Петровна Шакина, врач кавалерийской бригады. Сначала большая дружба, а потом и любовь связала их с комбригом. В 1920 году они стали мужем и женой.

Сохранившиеся с той поры документы — донесения, записи разговоров по прямому проводу, приказы, распоряжения — рисуют живые черты личности Котовского — его темперамент, речь, способность радоваться и сокрушаться — все то, без чего нет законченного портрета человека. Из этих документов предстает перед нами человек умный, волевой, сильный, добрый и человечный, заботящийся о подчиненных, не скупающийся на добрые слова, когда кто-нибудь их заслуживает, но и гневный, когда речь идет о чем-то преступном, головоутиятии.

В марте 1920 года на польском фронте 45-я дивизия попала в тяжелое положение. Разобраться, что делается в одной из стрелковых бригад, Якир поручил Котовскому. Вот часть их разговора, который происходил после того, как Котовский вернулся из поездки в бригаду.

«Котовский. Я Котовский. Разобравшись здесь с создавшейся обстановкой, сделал вывод: нахожу, что положение близко к катастрофе. Части 134-й [бригады] при малейшем нажиме противника откатятся на десяток верст, и весь обоз и артиллерия останутся в руках противника... На всю бригаду есть один командир — это Антонидзе, а остальные не выдерживают никакой критики.

Якир. Деморализация частей должна быть отне-

сена в большей степени именно за счет никудышно-го, к тому же почувствовавшего безответственность комсостава. Этому мы положим конец. За малейшее неисполнение приказа в первую очередь будут расстреляны командир и комиссар...

Котовский. 22 [марта] вечером после панического отступления 401-го полка... был арестован командир 2-й батареи 402-го полка, бросивший позиции. Явившись в штаbrig, я предложил немедленно расстрелять, но военком полка за него заступился и он был освобожден и отправлен в батальон. Вчера, по полученным сведениям, он перебежал к противнику»¹.

...В начале февраля 1920 года кавбригада Котовского, действовавшая в составе 41-й стрелковой дивизии, ворвалась в Одессу и, чтобы преследовать противника, должна была продолжать наступление в сторону села Маяки. Начальник дивизии А. Осадчий обещал поторопиться с продвижением к Одессе отставших от кавалеристов стрелковых подразделений, однако драгоценное время шло, а обещанных войск в городе все не было. Котовский пишет начальнику дивизии: «У вас, т. начдив, полнейший кавардак. Прошло 5 часов с момента, когда вы обещали прислать смену на ст. Застава 1, и ее нет. Связь поставлена до невозможности плохо. Даже на вокзале главным никого не дозовешься, с городом никакой телефонной связи».

В марте 1920 года кавалерийская бригада Котовского, только что вышедшая из боев, из-за несогласованных действий высших штабов вдруг оказалась лишенной всякого довольствия. Котовский, требуя от начальника штаба дивизии И. Гарькавого немед-

---

¹ Г. И. Котовский. Документы и материалы, с. 184—185.

ленно поправить положение, не стесняется в словах. «Положение безвыходное,— говорит он.— Я занял 200 000 рублей у частных лиц; еще два дня, и придется разойтись по домам. 60 часов добиваемся связи, нам не дают провода, и выслушать нас не хотят. Примите самые решительные меры к снабжению нас деньгами, иначе бригада рискует превратиться в банду... Мы оторваны, отрезаны от всех, так существовать дальше нельзя»¹.

Да, Котовский бывал резким. Но он умеет и восхищаться своими боевыми соратниками, не стесняется самых высоких чувств и слов. Прощаясь с отрядом бирзульских коммунистов, покидавших, по распоряжению командования, бригаду Котовского, он писал: «В тяжелую минуту вы стойко шли вперед, невзирая на опасность, которая угрожала нам со всех сторон, когда изо всех углов и нор появлялись агенты Петлюры и Деникина с Колчаком, когда все контрреволюционеры уже поднимали голову. Вы не забывали, что мы являемся авангардом великой мировой пролетарской революции и стойко выдерживали все удары петлюровских банд. Товарищи, вы с твердостью переносили голод и жажду, как настоящие коммунисты и строители нового пролетарского государства...

С искренним сожалением расстаемся с коммунистическим отрядом Бирзульской районной организации, перенесшей столько лишений и испытаний...

Выражаем свою искреннюю товарищескую благодарность за то, что вы решили в критическую минуту умереть или победить во имя великой революции...»²

¹ Г. И. Котовский. Документы и материалы, с. 164, 123, 176, 177.

² Там же, с. 97—98.

И даже в официальных документах, выходящих из-под его пера, он говорил о людях не казенные, приличествующие случаю слова, а вкладывал в них свое отношение к человеку. «Сие удостоверение дано т. Куценко,— пишет он в документе,— ...в том, что он, командуя бронепоездом в районе Жмеринки и Вапнярки в течение всего лета, был примерным и смелым командиром и преданным делу освобождения трудящихся... После нашего трагического отхода с юга под двойным ударом Деникина и Петлюры... мы были вынуждены бросить железную дорогу... со слезами и болью в сердце взрывать наши красавцы бронепоезда, которые нам столько пособляли, выручали во время боев... команды бронепоездов были сведены в один отряд... и под командой т. Куценко были той же бронесилой... Мы говорим т. Куценко: ...в наших сердцах... ты будешь и как командир бронепоезда, и как командир бронероты, и как революционер»¹.

В годы мира и труда

Казалось, не будет конца этой войне, в которой сошлись — штык на штык — два враждебных друг другу мира, и только гибель одного из них означала жизнь другого. Но и она закончилась. Под голубым небом вдруг стало непривычно тихо. Не свистели пули, не звенели осколки артиллерийских снарядов, не стучали ошалело копыта лошадей, мчащихся в смертельную атаку. Победил, как это и должно было произойти по всем законам истории, тот мир, за которым были справедливость и будущее.

¹ Г. И. Котовский. Документы и материалы, с. 117.

Как сложится теперь судьба человека, для которого водить полки стало профессией, главным делом и смыслом жизни?

Когда закончилась гражданская война, Котовскому было только сорок лет. Она находилась в расцвете сил. Страна высоко ценила своего героя, не обходила его ни славой, ни должностями. 28 октября 1922 года Михаил Васильевич Фрунзе, командующий войсками Украины и Крыма, подписал приказ о назначении Г. И. Котовского командиром второго кавалерийского корпуса имени Совнаркома Украины.

Штаб корпуса разместился в Умани. На втором этаже уютного особняка в одной из комнат был оборудован кабинет комкора — «красного генерала» Котовского, как сквозь зубы называли его теперь зарубежные буржуазные газеты. Выметенные за рубежи республики, враги страны рабочих и крестьян не могли простить Котовскому ни его победоносных походов, ни его легендарной славы. Особым отделом корпуса не раз задерживались подозрительные личности, которые при проверке оказывались агентами королевской Румынии или буржуазной Польши — их посылали убить Котовского. О мести комкору мечтали и недобитые белогвардейцы, эсеры, националисты, анархисты и прочий сброд, затаившийся — с надеждой на лучшие времена — в подполье внутри страны.

Страна, с таким трудом завоевавшая мир, билась в тисках голода, холода, разрухи, делала невероятные усилия на фронте мирного строительства. Вместе с тем она и укрепляла мощь Красной Армии — своей надежной защитницы. Став комкором, Г. И. Котовский в первую очередь заботится об обучении кавалеристов и учится сам — заочно на высших стрелково-тактических курсах военной академии. В кон-

це 1923 года в корпусе стали работать высшие курсы, Котовский сам отобрал для них первых слушателей — 80 командиров-кавалеристов, боевых друзей комкора. Лекции на курсах читали опытные специалисты, иногда — сам комкор. Штабисты учились на трехмесячных курсах при штабе корпуса, а наиболее талантливые командиры уехали учиться в Москву, Ленинград, Харьков.

Разнообразной и напряженной была учеба в частях. Занятия по ликвидации неграмотности среди красноармейцев шли параллельно с тактической и огневой подготовкой, усиленными спортивными тренировками. В одном из приказов начальника штаба корпуса, изданном в те дни, находим такую любопытную подробность: «На спортивной площадке красного стадиона (сад всеобуча) ежедневно от 7 часов под непосредственным руководством командира корпуса т. Котовского будут проходить занятия гимнастикой по системе доктора Анохина. Командир корпуса приказал объявить об этом всем частям и учреждениям корпуса...»

Котовский любил спорт и требовал, чтобы в корпусе им занимались не только по любви. «Успешность боевой подготовки конницы, — писал он в одном из приказов, — требует особого внимания к рациональной постановке и развитию в частях массовой физической подготовки... что в конечном итоге должно выковать в каждом бойце железную волю и вообще развить в нем все духовные качества, без которых нет победы на полях сражений»¹.

Под руководством Котовского второй кавалерийский корпус скоро стал одним из лучших воинских соединений республики. На маневрах осенью 1923 го-

---

¹ ЦГАСА, ф. 24435, оп. 1, д. 75, л. 298—299.

да красные конники прославленного комкора блестяще выиграли сражение с первым корпусом червоного казачества, которым командовал тоже герой только что отшумевшей войны В. Примаков. «Все мое внимание, вся моя энергия, все мои силы направлены на создание образцовой армии... которая будет в состоянии стать стеной на защиту республики»¹, — писал в те годы Г. И. Котовский М. В. Фрунзе.

Кроме чисто военных дел приходилось заниматься и хозяйственными вопросами. Страна, разутая и раздетая, не могла тогда в полной мере обеспечить армию всем необходимым, и военачальникам самим надо было решать многие экономические проблемы. Котовский активно содействовал деятельности созданного в период нэпа Военно-потребительского общества. В корпусе и дивизиях действовали отделения этого общества. Руководили ими боевые, проверенные люди во главе с помощником командира корпуса, прошедшим с Котовским всю гражданскую войну, К. Ф. Юцевичем. Мыло, вакса, пуговицы, иголки, нитки, кожевенные изделия — что только не производилось здесь! К этому времени относятся мудрые слова полководца, свидетельствующие о большой душевности, человеколюбии прославленного командира. «Создайте человеку человеческие условия, — говорил он, — а потом уже требуйте от него сверхчеловеческих усилий». Котовцы ремонтировали брошенные сбежавшими за границу богатеями заводы, мельницы и снабжали предметами первой необходимости не только свои части, а и крестьян из окрестных сел. Местное население, страдавшее от разрухи, с благодарностью принимало помощь Красной Армии. Рабочие Уманского кожевенного завода, восста-

---

¹ Ниструл, 1965, № 2.

новленного с помощью красноармейцев, писали командиру корпуса: «...единогласно на торжественном заседании избрали Вас почетным рабочим. Просим принять это скромное звание... помня в душе Вашу энергию и преданность рабочему классу и Коммунистической партии, мы постараемся быть достойными Вашими товарищами».

О масштабах хозяйственной деятельности корпуса Котовского в те годы можно судить по таким цифрам: сахарный завод за первый сезон выработал 170 тысяч пудов сахара, за второй — в два раза больше. В решении и хозяйственных проблем проявлялся незаурядный талант Котовского. Ф. Э. Дзержинский, бывший в то время председателем ВСНХ, даже обращался к военному руководству с просьбой отпустить Котовского на должность руководителя сахарной промышленности страны. Но командующий войсками Украины и Крыма М. В. Фрунзе категорически возражал, считая такое перемещение Котовского несвоевременным. Михаилу Васильевичу было жаль отпускать талантливое комкора, которого он глубоко любил.

Котовский в те дни жадно учился, наверстывал упущенное в юности. Изучал Маркса, Ленина, интересовался, в частности, политэкономией. В его личной библиотеке в Умани были книги по военному делу, художественные, учебники французского и английского языков и наряду с ними — литература о выращивании свеклы и сахароварении, дублении кожи, производстве мыла... Ольга Петровна Котовская рассказывала: «Трудовой день его начинался летом с пяти часов, зимой с шести часов утра. Делая утреннюю гимнастику, он диктовал мне в свой блокнот вопросы, которые требовали разрешения в ближайшие дни... Проверить ход контрактации свеклы; про-

верить торговлю военно-кооперативных лавок; в президиуме горсовета поднять вопрос о восстановлении кирпичного завода в городе; расследовать жалобу крестьянина на неправильные действия сельсовета; о постройке городского стадиона; об агрономической школе; о детском саде...»

Весной 1924 года уходили в запас тысячи конников корпуса.

Ветераны-котовцы, едва сдерживая слезы, выполняли последние команды: передавали боевых коней и оружие новобранцам. Потом во всех гарнизонах корпуса командиры полков торжественно зачитывали письмо комкора, с которым он обратился к увольняющимся в запас.

«Дорогой товарищ! Уходя из наших красноармейских рядов, постоянно помни наши боевые традиции, нашу революционную преданность Советской власти и всем трудящимся,— так торжественно и в то же время тепло начиналось письмо, копия которого выдавалась каждому покидающему корпус.— Помни, что стальные ряды нашего корпуса неизменно остаются грозными для наших классовых врагов. Про нашу боевую отвагу, про удачу лихих кавалеристов, про бесстрашие в боях с врагами ты разнеси молву повсюду, куда бы тебя ни кинула судьба, воспитывая этим боевой революционный дух у рабоче-крестьянской молодежи...»

Если будут предстоять новые битвы с врагом, то знай: мы снова будем вместе на конях и снова под руководством нашего вождя — Коммунистической партии — станем сражаться и побеждать...»

Среди увольнявшихся в запас было немало уроженцев оккупированной боярской Румынией Бессарабии. Куда им идти теперь?

Котовский нашел решение проблемы — он пред-

ложил демобилизующимся землякам организовать коммуны, обещал содействие в выделении земли, инвентаря, поисках специалистов-агрономов. Бессарабцы с радостью приняли идею, и, провожая конников в новую жизнь, Котовский выдает им документ: «Идя навстречу устройству быта демобилизованных красноармейцев-незаможников, в частности уроженцев Бессарабии, командование 2-го кавалерийского корпуса настоящим передает в ваше распоряжение корпусные совхозы Ободовку и Верховку для организации в таковых образцовой сельскохозяйственной коммуны»¹.

В заключение он выражал уверенность в том, что бойцы, ветераны гражданской войны, и на фронте коллективного сельскохозяйственного труда явятся живым примером для окружающего населения, будут проводниками среди него всех культурных начинаний рабоче-крестьянской власти.

Коммуна была организована, и комкор, не раз приезжая в Ободовку, радовался встречам с друзьями, их производственным успехам.

И только мечта увидеть новую жизнь в родной Бессарабии оставалась неосуществленной: земля между Днестром и Прутом лежала под сапогом вероломных оккупантов. Многие молдаване, не желая оставаться под властью боярской Румынии, ушли с родных мест на Украину. Котовский упорно думает о судьбе Бессарабии.

«В 1923 году как-то у меня на квартире встретились Г. И. Котовский и М. В. Фрунзе,—вспоминал С. М. Буденный.—И за стаканом чая произошел интересный разговор. Г. И. Котовский, не расставаясь с мыслью о создании свободной и независимой респуб-

---

¹ Г. И. Котовский. Документы и материалы, с. 494.

лики, вдохновенно говорил: «Только Молдавская республика даст возможность нашему народу побороть тяжелую нужду и с помощью русского пролетариата построить новую, светлую жизнь! Хочу об этом написать письмо в ЦК, мечтаю поговорить лично с Владимиром Ильичем Лениным. Я глубоко уверен, что Ленин поймет чаяния молдаван и поддержит нас». Мы горячо одобрили мысль Котовского. Михаил Васильевич Фрунзе дал Григорию Ивановичу несколько советов»¹.

Идею создать Молдавскую автономную республику поддерживали Григорий Иванович Старый (Борисов), один из организаторов и руководителей большевистского подполья и партизанского движения в оккупированной интервентами Бессарабии, Павел Ткаченко, член Центрального Комитета Румынской компартии, один из руководителей Бессарабского коммунистического подполья, и другие земляки Г. И. Котовского.

Григорий Иванович давно мечтал о встрече с Лениным, надеялся на нее, когда в конце 1923 года был избран делегатом на Всесоюзный съезд Советов. Но мечте не суждено было сбыться. Приехав в Москву, Котовский в траурном январе 1924 года в нескончаемом потоке людей прощался с Ильичем.

В феврале 1924 года Г. И. Котовский и ряд руководителей революционного движения в Бессарабии, в том числе и руководителей Бессарабского коммунистического подполья, написали в ЦК РКП(б) и ЦК КП(б) Украины письмо, в котором от имени молдавского народа ходатайствовали о создании Молдавской автономной республики. «Мы просим разрешить затронутый вопрос в срочном порядке, поста-

¹ Иванова З., Пенова А. Полководец Ленинской школы. Документальный очерк. Кишинев, 1967, с. 64.

вив его на разрешение ближайшего заседания Политбюро ЦК РКП(б)»¹.

29 июля 1924 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление, в котором поддержало эту важную патриотическую инициативу, и 12 октября III сессия Всеукраинского ЦИКа провозгласила образование Молдавской АССР в составе Украинской Советской Социалистической Республики. Власть в МАССР до I Все молдавского съезда Советов перешла в руки Ревкома, который возглавил Г. И. Старый.

Молдаване с радостью приняли эту весть. Выражая их чувства, Григорий Иванович говорил: «Молдавская АССР — это то, что страстно желал весь трудовой народ Молдавии не только по эту, но и по ту сторону Днестра. МАССР — это то, чего добивался трудовой народ Молдавии за долгие годы своей упорной борьбы»².

Котовский избирался в состав Молдавского областного комитета КП(б)У, был членом ЦИК СССР, УССР и МАССР — и в мирное время у «красного генерала» было много больших и серьезных дел.

Но большая часть Молдавии оставалась оккупированной. Под гнетом помещиков находились и родные Ганчешты. Благодатный край — край плодородных полей, садов и виноградников — все более превращался в типичную колонию. Котовский неустанно думает о воссоединении молдавского народа. На первом съезде общества бессарабцев в апреле 1925 года он говорил: «Вопрос об освобождении Бессарабии, вопрос о том, чтобы сделать Бессарабию красной, мог бы быть разрешен хорошим ударом нашего корпуса, куда входит и Бессарабская кавалерийская ди-

¹ Республиканский музей Г. И. Котовского и С. Г. Лазо. Инв.— № 1304.

² История Молдавской ССР., т. 2. Кишинев, 1968, с. 146.

визия, или, в крайнем случае, еще парой наших корпусов... Румынские помещики должны понести кару за замученных в застенках, расстрелянных, потопленных в Днестре... Если рабоче-крестьянское правительство, руководимое Коммунистической партией, скажет, что довольно дипломатических переговоров, прикажет нашей Красной Армии броситься к границам Румынии, Бессарабии, на помощь восставшим рабочим и крестьянам, наш кавалерийский корпус будет впереди! Мы уверены, что, если этот исторический момент настанет, наша красная конница перемахнет одним прыжком через Днестр...»¹

В феврале 1923 года у Котовских родился сын. Велика была радость Григория Ивановича, который очень любил детей. После окончания гражданской войны он ни разу не отдыхал. А раны и контузия между тем давали о себе знать. Ольга Петровна, как врач, настаивала на отпуске. Наконец летом 1925 года семья отправилась к морю. Поселились в селе Чебанка, в нескольких десятках километров от Одессы. Отдыхали, радуясь солнцу, сыну. Ничто не предвещало катастрофы. Котовский чувствовал себя отдохнувшим и окрепшим. Его снова потянуло к людям. Он встречался с пионерами, кинематографистами (в это время был задуман художественный фильм о котовцах), работниками совхоза.

Котовский скоро стал рваться в корпус. «Отдых морально удовлетворяет мало,— признавался он в одном из писем.— Не могу привыкнуть к бездельничанию»². 6 августа решили отправиться в Умань. Накануне вечером пионеры пригласили Григория

¹ Г. И. Котовский. Документы и материалы, с. 500, 502—504.

² Новохатский М. Путь в легенду. Очерк жизни Г. И. Котовского, с. 633.

Ивановича на костер. Котовский с удовольствием рассказал им о былых походах и боях. А когда вернулся домой, его уже ждали отдыхавшие в Чебанке военные и работники совхоза. Все хотели попроситься с комкором. Расходились глубокой ночью. Ольга Петровна ушла домой раньше. В своей книге воспоминаний она пишет: «Вдруг слышу короткие револьверные выстрелы — один, второй и затем мертвая тишина. Как электрическим током пронзила мысль: «Это выстрелы в него»...»

Вражеская пуля попала в сердце Котовского.

Три дня тянулась бесконечная вереница людей в Колонный зал Одесского губисполкома, где стоял гроб с его телом. Люди шли проститься с легендарным красным конником, героем гражданской войны.

Председатель Реввоенсовета СССР, народный комиссар по военным и морским делам М. В. Фрунзе в телеграмме, посланной в Умань, в штаб кавалерийского корпуса, писал: «... Вся Красная Армия сверху донизу переживает... чувства тяжелой утраты и боли. От имени всех бойцов Красной Армии и Красного Флота, от имени рабоче-крестьянского правительства Союза ССР выражаю осиротелым бойцам корпуса горячее братское соболезнование»¹.

По решению Всеукраинского ЦИК и ЦИК Молдавской АССР похоронили Котовского в городе Бирзуле (сейчас — город Котовск), там, где начинался боевой путь красного командира.

Он был щедро наделен талантами. Мог стать прекрасным агрономом, хорошим музыкантом, крупным хозяйственником-организатором. Мог стать актером. Но из всех его талантов Родине в первую очередь понадобился его военный талант.

И он без остатка отдал его народу и революции.

¹ Новохатский М. Путь в легенду. Очерк жизни Г. И. Котовского, с. 637.

Содержание

Жизнь начинается с вопросов	3
Мститель	17
Выбор	36
Огненные версты	54
Война после войны	62
В годы мира и труда	85

Виктор Григорьевич Казаков
КРАСНЫЙ КОМВРИГ

Заведующий редакцией **А. И. Котеленец**
Редактор **Н. С. Гудкова**
Младший редактор **А. С. Кочеткова**
Художественный редактор **Г. Ф. Семиреченко**
Технический редактор **Н. К. Капустина**

ИВ № 2812

Сдано в набор 29.06.81. Подписано в печать 31.08.81. А00183. Формат 78 × 108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Журнальная». Печать высокая. Услови. печ л. 4,2. Услови. кр.-отт. 4,55. Учетно-изд. л. 3,89. Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 1360. Цена 15 коп.

Политиздат. 125011, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7,
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

15 коп.

ПОЛИТИЗДАТ · 1981